

ОПЫТ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ПРОТЕСТ: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 2010-2012

**Опыт защиты права на протест: Санкт-Петербург 2010 - 2012.
Подготовлено Д.Дубровским при участии юристов и правозащитников
АДЦ «Мемориал». СПб., 2012. Тираж 500 экз.**

**Публикация выпущена Благотворительным частным учреждением
Антидискриминационный центр «Мемориал»**

Вступление

Вэтой публикации анализируется опыт защиты права на мирные протестные действия, которые стали новой вехой в развитии гражданского общества, — так же, как и новый опыт защиты тех, кто подвергся репрессиям в Петербурге, начиная с конца 2010 и до осени 2012 года... За минувшие два года страна изменилась: еще совсем недавно было невозможно себе представить, что в Москве пройдет Марш миллионов, что ЛГБТ-сообщество станет авангардом борьбы за права человека да и вообще будет «видимым», что огромное количество людей вдруг поймет, что их личное участие в наблюдении за выборами сможет предотвратить фальсификации. Новой реальностью для гражданских активистов стало и личное столкновение с государственной машиной — с агрессией полицейских, с неправыми судами, с мракобесными законодателями.

Протестные действия стали заметными в конце 2010 года — это были шумевшие акции художников группы «Война». Защита акционистов, немедленно подвергшихся политическим репрессиям, была затяжной и трудной, но в конечном итоге успешной, и опыт солидарности и мобилизации правозащитников, адвокатов, ученых, экспертов, людей искусства оказался чрезвычайно ценным.

В декабре 2011-го, после сфальсифицированных выборов в Госдуму, мирные протестные акции в Санкт-Петербурге, Москве и других городах были жестоко подавлены. Репрессиям тогда подверглись не только представители оппозиции, активисты общественных движений, правозащитники, но и новички, решившие наконец выразить свое отношение к вопиющим нарушениям в ходе парламентских и местных выборов.

В 2012 году репрессии приняли характер сфальсифицированных уголовных дел против протестующих — «Болотное» дело, осуждение акционисток из Pussy Riot (по той самой статье, беспочвенность обвинения по которой чуть раньше удалось доказать при защите участников арт-группы «Война»). «Акции устрашения» последовали и со стороны законодателей: во многих регионах приняты гомофобные законы, а на федеральном уровне — закон о митингах, ограничивающий право на свободу собраний и выражение мнений; закон о гостайне, объявляющий любое сотрудничество с международными организациями государственной изменой; закон «о клевете», связывающий руки журналистам... Наконец, закон об «иностранных агентах», осложняющий работу правозащитных организаций. Но в то же время люди научились сопротивляться репрессиям, научились отстаивать и защищать свое право на протест — право на выбор, на выражение своего мнения, на защиту невинных людей, преследуемых за свои убеждения.

Защита от уголовного преследования

Война с «Войной»: мотив ненависти

В сентябре 2010 года в Петербурге прошла акция, получившая в дальнейшем название «Дворцовый переворот»¹. В знак протеста против произвола «оборотней в погонах», как заявлялось самими авторами художественной акции — арт-группой «Война», они предприняли переворачивание милицейских машин в центре города. По факту произошедшего было возбуждено уголовное дело по пункту «б» части 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).

15 ноября 2010 года в Москве были арестованы Олег Воротников и Леонид Николаев. Вот как описывает происходившее Наталья Сокол:

«В 7 утра в квартиру в районе метро Динамо, в которой ночевала группа «Война», ворвались 10 эшников в штатском. Положили всех лицом вниз, связали руки за спиной, сказали, что имеют право на применение оружия и чтобы «никто не дергался. Перед этим около трех часов ночи пропал интернет, скорее всего, его отрезали. Жителей квартиры отправили в ОВД «Беговая», а Олега и Леню — посадили с пакетами на голове в белый микроавтобус с питерскими номерами 04620. На вопрос Козленка: «Куда повели людей в пакетах?» их начальник (Омар) ответил: «В лес»².

24 ноября 2010 года Олег и Леонид были объявлены обвиняемыми (до того 10 дней они считались подозреваемыми) в совершении преступления по статье 213, часть 1, пункт «б» и помещены в СИЗО «Лебедевка», где и находились под арестом более трех месяцев. Арест активистов арт-группы вызвал широкий резонанс как в России, так и за рубежом. В их поддержку был создан сайт «Свободная Война» (<http://free-voina.org>), на котором был организован сбор средств на вещи, необходимые заключенным, и на оплату адвокатов, публиковались новости о ситуации с арестованными художниками-активистами. В поддержку Воротникова и Николаева выступили правозащитники, ученые-эксперты, гражданские активисты, представители художественного сообщества; кроме того, деньги для арестованных передал британский уличный художник Бэнкси. Правозащитная ассоциация «Агора» предоставила задержанным активистам адвоката, и на протяжении всего дела осуществляла информационную поддержку защиты.

Одной из принципиальных позиций защитников активистов стало отрицание состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. Стефания Кулаева:

«Активисты «Войны» невиновны в хулиганстве по мотиву вражды к социальной группе — они не призывали к насилию в отношении всех людей в форме, они не совершали преступлений ради преступления. Они выразили свой протест — художествен-

---

¹ <http://plucer.livejournal.com/297581.html>

² <http://free-voina.org/post/1645497895>

но или нет, неважно, — и за этот протест их обвиняют в уголовном преступлении. Это политическое дело. Если их осудят, то виноваты будем мы все, и свободой заплатим не только их, но и нашей».

Эксперты информационно-аналитического центра «СОВА» подробно рассмотрели юридическую сторону вопроса:

«Нам представляется, что в данном случае закон и сформулирован, и применяется неверно, что является собой общественную опасность, а не затрагивает только тех, кто является обвиняемым по данному делу.

Для начала о недостатках закона.

Как известно, группу «Война» обвиняют в хулиганстве на почве ненависти (пункт «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы)). Далее мы для простоты будем называть этот мотив просто «мотивом ненависти».

В нашем законодательстве хулиганство бывает двух видов. Первое — подпадающее под Уголовный кодекс: грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Его подвиды — это хулиганство с применением оружия или предметом, его заменяющим, либо хулиганство по мотиву ненависти (ч. 1 ст. 213), а также хулиганство, совершенное организованной группой, по сговору, либо с оказанием сопротивления сотрудникам правоохранительных органов (ч. 2 ст. 213). Второе — подпадающее под Кодекс об административных правонарушениях: мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Есть также пункт об оказании сопротивления. Уголовный кодекс предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет, административный — в виде ареста до 15 суток.

Мотив ненависти в 213-й статье УК появился после поправок 2007 года. До того квалификация хулиганского деяния по УК или КоАП производилась, если упростить, в зависимости от того, было ли применено оружие. После 2007 года любое, даже вполне мелкое деяние, ранее подпадавшее под Административный кодекс, становилось уголовно-наказуемым, если присутствовал мотив ненависти.

В действующей с 2007 года редакции УК получается, что пункт «б» ч. 1 ст. 213 описывает ненасильственные хулиганские действия, совершенные по мотиву расовой и иной ненависти. Это противоречит логике российского уголовного закона. Получается, что некое действие, не преступное само по себе, то есть не описанное ни в какой статье УК, становится преступлением именно потому, что оно совершено одновременно по двум мотивам — хулиганскому и мотиву ненависти. Да, мотивация преступника может бытьотягчающим обстоятельством (например, в случае нанесения травм человеку). Но сам по себе мотив не может сделать непроступное деяние преступным. Мы видим тут ошибку в УК, которую надо исправлять.

Любое преступление, по сути, нарушает общественный порядок и рассматривается как выражающее явное неуважение к обществу. Специфика такого преступления, как хулиганство в том, что его цель — нарушение общественного порядка, совершаемое ради нарушения общественного порядка (другие цели, если есть, второстепенны). Вспомним, как в известном советском фильме молоденькая девушка-адвокат спасала Мимино от более тяжелого обвинения, доказывая не хулиганский, а личный мотив при нападении.

Как только появляется четкий мотив, а мотив ненависти столь же ярок, сколь, например, мотив корысти, нарушение общественного порядка перестает быть самоцелью и, следовательно, действие перестает быть хулиганством в смысле ст. 213. Поэтому само использование мотива ненависти в этой статье неуместно. Хотя при других преступлениях два этих мотива могут, в принципе, сочетаться.

Теперь о применимости хулиганского мотива и мотива ненависти к действиям группы «Война». Совершенно очевидно, что все содеянное группой «Война», включая акцию «Дворцовый переворот», не было бесцельным нарушением общественного порядка. Свои цели исполнители акций четко и недвусмысленно доносили до публики в своих отчетах.

Первое наше утверждение: участники группы «Война» не совершали преступления, которое можно квалифицировать как хулиганство. И ст. 213 УК является неверной квалификацией их действий.

Теперь обратимся к мотиву ненависти. Допустим, наши слова будут услышаны, и следствие попытается квалифицировать нанесенный в ходе акции ущерб по какой-то другой, более конкретной статье УК, оставив при этом мотив ненависти к социальной группе «милиция». Отметим, что мы в принципе считаем неправильным наличие в УК мотива социальной, политической или идеологической ненависти какотягчающего обстоятельства для нетяжких преступлений, особенно — не связанных с насилием над личностью или с призывами к насилию. (Скажем, вандалы испортили памятник. Но вряд ли вред памятнику больше, если нанесенный на него лозунг враждебен какой-то политической партии.)

Особые претензии вызывает применение в законе понятия вражды к «социальной группе». Термин «социальная группа» в законе никак не определен, в быденном языке и даже в науке он тоже не имеет однозначного понимания, в результате чего трактуется произвольно. Самые частые группы, на защиту которых — в соответствии с антиэкстремистским законодательством — вставала российская правоохранительная система, — это сотрудники всевозможных правоохранительных органов и чиновники (иногда конкретные, иногда как профессиональная группа целиком). Мы считаем это абсурдным по двум причинам. Во-первых, даже при отсутствии общепринятого определения «социальной группы» некорректно считать таковой любую профессиональную группу. Отметим, что нам неизвестны сколько-нибудь внятные аргументы в пользу того, что сотрудники милиции, к примеру, — это социальная группа. Обычно это подается как факт. Но даже если принять этот факт, мы не считаем, что концепция «мотива ненависти», призванная защитить уязвимые, подвергаемые дискриминации группы, должна использоваться для защиты представителей силовых и властных структур, уже в достаточной степени защищенных другими законами.

Итак, неверно использовать при квалификации этой акции «Войны» мотив ненависти. Отсюда наше второе утверждение: группа «Война» не совершила ничего, что можно преследовать в рамках антиэкстремистского законодательства.

На этом наши претензии к квалификации правонарушения, инкриминируемого участникам группы «Война», заканчиваются. Наши третий и последний тезис: мера пресечения художникам выбрана несоразмерно их опасности для общества. Ведь если речь идет не о хулиганстве, то и общественная опасность арестованных не такова, чтобы надо было лишать их свободы до суда³.

---

3 <http://free-voina.org/post/2310674743>

Защита арестованных активистов разработала стратегию их поддержки, включающую в себя ряд сравнительно новых для уголовного процесса элементов: привлечение к участию в судах по делу «Войны» не только адвокатов, но и общественных защитников — это были социолог, профессор Высшей школы экономики Владимир Костюшев, ученый-эксперт Дмитрий Дубровский; проведение пресс-конференций для освещения ситуации в СМИ; представление в суд мнений специалистов (социологов, искусствоведов). Особую роль в освобождении художников сыграло включение группы «Война» в шорт-лист премии «Инновация» и присуждение им в конечном итоге этой премии.

Пресс-конференции проводились перед судами по продлению содержания в тюрьме фигурантов дела «Войны», тем самым к проблеме привлекалось общественное внимание.

Первая пресс-конференция по делу «Войны» под названием «Художественный протест — право или преступление?» прошла 13 декабря 2010 года в Петербурге в Институте региональной прессы. В ней приняли участие адвокат Олега Воротникова Анастасия Екимовская, юрист правозащитной ассоциации «Агора» Рамиль Ахметгалиев, эксперт информационно-аналитического центра «Сова» Мария Розальская, директор программы «Права человека» Смольного института Дмитрий Дубровский, представитель художественного сообщества Елена Костылева.

14 января 2011 года состоялся суд по продлению избранной ранее меры пресечения — содержания обвиняемых Воротникова и Николаева под стражей (о чем ходатайствовала сторона обвинения). Судом были заслушаны возражения против содержания Олега Воротникова и Леонида Николаева под стражей. Заседание происходило в районном суде (Московский районный суд Санкт-Петербурга), хотя кассационная жалоба на решение от 17 ноября 2010 года о заключении Воротникова и Николаева под стражу еще не была рассмотрена в городском суде.

Защита указывала, что содержание под стражей незаконно потому, что «рассмотрение продления срока содержания под стражей в рамках не вступившего в законную силу постановления Дзержинского районного суда незаконно и необоснованно, так как неизвестно, какое решение по избранию меры пресечения может принять и принял бы вышестоящий суд». Прокуратура же требовала продлить арест до 24 февраля 2011 года. Несмотря на ряд серьезных возражений адвокатов против содержания их подзащитных в тюрьме и чрезвычайно большую сумму предлагаемого залога, суд принял решение продлить срок содержания под стражей на один месяц. Суд проигнорировал предоставленные мнения специалистов о сути деяний, которые инкриминировались обвиняемым, и фактически согласился с тем, что сведения из сети «Интернет» о деятельности арт-группы «Война» вполне могут быть доказательством вины.

14 февраля 2011 года в Санкт-Петербургском городском суде кассационная жалоба по избранию меры пресечения все-таки была рассмотрена, однако решение суда первой инстанции было оставлено в силе, а все жалобы в защиту обвиняемых отклонены.

Адвокаты выдвинули следующие аргументы, возражая против продления срока содержания их подзащитных под стражей:

1) суд необоснованно проигнорировал представленные стороной защиты мнения специалистов о деятельности группы «Война», из которых следует, что деятельность группы «Война» нельзя оценивать как преступную, она не несет в себе общественной опасности, в то же время является формой современного искусства и представляет собой художественную ценность;

2) суд не указал, что сведения из сети «Интернет» о деятельности группы «Война»,

представленные суду следствием, не относятся к предмету настоящего судебного разбирательства и не могут служить доказательством вины;

3) суд не принял во внимание то, что они ранее не привлекались к уголовной ответственности, то, что они жили и имели постоянную регистрацию (Николаев в Москве, а Воротников в Тульской области), а в Петербург были привезены против своей воли, то есть не могли иметь в городе, где ведется следствие, постоянную регистрацию (отсутствие которой указывалось стороной обвинения как одна из причин продления тюремного заключения);

4) кассационная жалоба на постановление от 17.11.2010 об избрании меры пресечения в форме содержания Воротникова и Николаева под стражей не была рассмотрена Санкт-Петербургским городским судом, судом Московского района Санкт-Петербурга было продлено решение, не вступившее в законную силу, что делает незаконным сам факт продления⁴.

Можно сделать вывод о том, что решение о продлении тюремного содержания Воротникова и Николаева не было оправдано с юридической точки зрения; единственным его объяснением может быть политический мотив преследования активистов. Сам процесс представляется выражено политическим делом: в зале суда со стороны обвинения не раз звучали заявления о том, что подследственные «опасны для общества и государства», защита объясняла позицию Воротникова и Николаева принципиальностью и озабоченностью социальной справедливостью, сами обвиняемые говорили о незаконности утверждений об их враждебности к какой-либо социальной группе.

Представленные суду экспертные оценки разъясняли, что действия художественного и протестного характера должны восприниматься как отстаивание политических прав, в первую очередь — права на свободу самовыражения, социальной критики и осуждения нарушений прав человека государством и его представителями. Показательно, что следствие включало в состав судебных документов все, что так или иначе было связано с «экстремизмом», при этом не утруждаясь установить связи между документами и обвиняемыми. Так, в материалы следствия была включена «справка» о ДСПА («Движении сопротивления им. Петра Алексеева»), связь которого с обвиняемыми вообще отсутствовала (в нем якобы состоял один из свидетелей), при этом эта справка фигурировала как доказательство социальной опасности обвиняемых.

Вот основные тезисы общественного защитника активистов Владимира Костюшева, представленные им в суде:

«1. Акции арт-группы Война — ясно артикулированная художественная форма социального протеста, направленная против произвола и нарушения общественного порядка со стороны органов власти, прежде всего органов правопорядка.

2. Так как другие формы протеста, в том числе публичные обращения и уличные

---

⁴ Меж тем, условия содержания арестованных активистов в СИЗО не соответствовали даже минимальным стандартам российских тюрем. Ряд наиболее существенных нарушений был зафиксирован правозащитниками из Общественной наблюдательной комиссии, посетившей Олега Воротникова. Элла Полякова («Солдатские матери Санкт-Петербурга») о посещении СИЗО №4:

«Мы зашли в камеру Олега Воротникова и увидели: все, что он говорит, это правда. Его в наказание засунули в самую плохую камеру. То есть сломано окно — форточка. Стены все в грибок, подтеки, и грибок вызывает серьезные заболевания. Камера маленькая, но туалет не отделен от стола, где они едят. В камерах нет горячей воды. Нет питьевой воды. Не оказывается медицинская помощь. Не предоставляются лекарства. Это все недопустимая, конечно, ситуация».

митинги, не принимались органами власти во внимание и требования протестующих игнорировались, то население вынуждено обращаться к другим, более радикальным формам социального протеста — с целью обращения внимания уже самого общества на неправомерные действия власти, на произвол и нарушения общественного порядка со стороны власти, в частности, органов правопорядка. При этом понятно, что в использовании радикального неконвенционального протеста группы «Война» не было бы необходимости, если бы власть считалась с общественным мнением.

3. Принципиальным является вопрос о правовой (юридической и социокультурной) конвенциональности форм протеста арт-группы «Война». Группа «Война» выбрала неконвенциональную форму для художественного социального протеста — с элементами нарушения юридической (административное нарушение) и социокультурной (нарушение норм обычного права) конвенции — в связи с нефункциональностью других форм протеста, которая должна рассматриваться как вынужденная акция в условиях отсутствия обратной связи со стороны власти по отношению к обществу.

4. Отношение к административному нарушению определено правовыми документами, в соответствии с которыми и должны предприниматься правовые действия по отношению к субъектам нарушения. Принципиально важно принимать во внимание различие хулиганских действий от акций социального протеста. В социологии принято различие хулиганских нарушений общественного порядка и акций гражданского протеста, вызывающих административные нарушения — данная позиция ученых должна, по моему мнению, стать основанием для понимания протестных действий арт-группы «Война», прежде всего для различения заявляемого социального протеста и административных нарушений общественного порядка.

5. Различие хулиганских действий, нарушающих общественный порядок, и акций социального протеста, вызывающих подобные нарушения, должно стать важнейшим правовым основанием для судебного рассмотрения всех ситуаций, связанных с пониманием форм социального протеста. Как необходимо различие действий власти по соблюдению правопорядка, и действий власти, нарушающих общественный порядок.

«Граждане милиционеры, соблюдайте общественный порядок!» — это императив. Художникам нарушать общественный порядок тоже непозволительно. Но иногда приходится. Когда власть не слышит».

Другой общественный защитник — Дмитрий Дубровский выступил на суде со следующим обращением:

«Уважаемый суд! Выступая как общественный защитник обвиняемого Леонида Николаева, считаю необходимым обратиться к уважаемому суду с нижеследующим.

1. В демократическом правовом государстве граждане имеют конституционное право на критику государственной власти и отдельных ее представителей. Более того, Европейский суд по правам человека в ряде своих решений обратил внимание на то, что чем выше положение человека в демократическом государстве, тем менее он должен быть защищен от критики со стороны общества, поскольку этого требует логика общественных интересов. В то же время, в демократическом правовом государстве меньшинства, прежде всего, этнические, религиозные, сексуальные, социальные (прежде всего, инвалиды) являются предметом особой защиты государства, поскольку презюмируется их дискриминация и заранее неравноправное положение по отношению к большинству. Именно в этом смысле евро-американская традиция уголовного преследования за различного рода преступления на почве ра-

совой, религиозной ненависти допускает более серьезное наказание за различного рода правонарушения, если они были мотивированы расовой, этнической, религиозной, социальной рознью или враждой.

В российском праве, очевидно, существует такой же подход, который отражен в диспозициях статей 282, 105, а также ряда других статей УК РФ. Удивительно, но в деле, возбужденном против Леонида Николаева, милиция фигурирует в качестве социальной группы, которая, таким образом, понимается как особо незащищенное и требующее особой заботы меньшинство. Между тем, милиция, очевидно, является не социальной, а социопрофессиональной группой, особо защищенной законами, регулирующими действия, прежде всего, законами «О милиции» и «О государственной службе». Таким образом, представляется чрезвычайно странной ситуация, при которой милиция, которая, прежде всего, имеет статус представителей государства (которые, с одной стороны, в духе решений ЕСПЧ, должны быть менее защищены от критики, чем обыватели, и, с другой стороны, имеют достаточно правовых средств защиты в российском государстве), прибегает к способам правовой защиты, которые явным образом ей не соответствуют. В противном случае необходимо признать, что милиция в России является угнетенным, бесправным и дискриминируемым меньшинством, которое требует особой правовой защиты государством от населения.

2. В демократическом правовом государстве свобода самовыражения служит, в том числе, одним из основных инструментов выражения недовольства общества в отношении тех или иных решений государственной власти. При этом, безусловно, художники, хотя и подпадают под общее правило, которое определенным образом ограничивает свободу самовыражения, тем не менее, являются пионерами в определении и переопределении границ свободы слова и самовыражения. Наиболее важным при этом является, безусловно, принцип ненасилия. В ситуации, когда речь идет об испорченном имуществе, говорить о насилии и уж тем более об экстремизме, как минимум, неуместно. Следствие считает, что переворот одной или двух машин, участие в котором инкриминируется Леониду Николаеву, «подрывает авторитет государственной власти и деятельности органов внутренних дел». Печальная традиция преследования инакомыслящих за действия по подрыву авторитета и клевете на государственный строй, видимо, не целиком исчезла из логики мышления и действий правоохранительных органов. Иначе чем можно объяснить наличие в деле справки о «Движении сопротивления им. Петра Алексеева», в которой, в частности, говорится, что данное объединение признается экстремистским, в частности, потому, что имеет идеологию, направленную на «ограничение полномочий властных и патриотических (?) структур», отказ от службы в Вооруженных силах РФ... При этом указано, что «методы борьбы — протестные акции, митинги, флэшмобы с вывешиванием баннеров оскорбительного содержания в адрес представителей государственной власти РФ». Обращает на себя внимание не только неясная связь между предполагаемым правонарушением и данным движением как таковым, сколько обилие в тексте прямых нарушений Конституции РФ, в частности, права на свободу слова, альтернативную государственную службу. Требования этих прав понимаются как экстремизм, не говоря уже о том, что неправомерной является сама коллизия, при которой экстремистской объявляется организация, в отношении которой нет никакого решения суда о признании ее экстремистской. В противном случае налицо нарушение конституционных прав граждан на объединения.

3. Таким образом, представляется, что следствие ошибается в истинном смысле инкриминируемых Леониду Николаеву действий. Речь, очевидно, не идет о грубом на-

рушении общественного порядка и выражении неуважения к обществу. В данном действии, очевидно, средствами политического искусства высказывается неуважение и недовольство действиями представителей государственной власти в лице милиционеров, которые не могут в смысле защиты своих конституционных прав считаться меньшинствами, требующими заботы и защиты государства, как инвалиды, беременные женщины или старики. В то же время, очевидно, что данные действия не связаны с насилием и не могут представлять общественной опасности. Одновременно данные действия, на мой взгляд, никак не угрожают авторитету государственной власти в России. Иначе придется признать, что авторитет государственной власти в России держится на милицейских машинах, что, очевидно, не так. Кроме того, представляется, что именно такими процессами и наносится ущерб и авторитету государственной власти, и правоохранительных органов в целом. В связи с вышеизложенным прошу уважаемый суд не продлевать Леониду Николаеву содержание под стражей и избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы».

Кроме того, на суде были представлено мнение специалиста, старшего преподавателя курсов «Русское и зарубежное искусство», «Искусство», «Мировая культура и искусство» Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, кандидата искусствоведения Николая Иванова относительно акций группы «Война»:

«Действия, запечатленные на видеозаписях, трактуются как синтетический художественный акт, содержащий в себе элементы акционизма, стрит-арта, реди-мейда и перформанса. Подобного рода художественные практики отображают характерные тенденции современного искусства, которые свойственны визуальному художественному пространству с 1950-х гг.

Отличительными признаками этих форм современного искусства являются смещение акцента с самого произведения на процесс его создания, использование в обладающем театральностью действию готовых объектов, которые художник заимствует из окружающей действительности, желание художника стереть грань между результатом художественного действия и действительностью, введение самого автора в художественный объект в качестве участника произведения искусства, новизна способов художественного выражения, акцент на демонстрационности, декларативности, динамике, нарочитой нестатичности художественного действия; произведение искусства же в своей реализации перестает характеризоваться привычными формами и стремится к существованию в виде процесса, события, похожего на действительные. Завершенность акции обеспечивается соединением места, времени, присутствием самого художника и отношением к действию зрителя, не обязательным образом присутствующим в сам момент совершения акции, но ознакомившимся с произведением искусства, к примеру, с помощью видеоматериалов и индивидуальным образом искусство воспринимающим. При этом художественность подобного акта в полной мере обеспечивается его целью, которая размыта, неустойчива, неопределенна, допускает многозначность трактовок и принципиально неоднозначна.

Акции группы «Война» обладают значительной художественной ценностью, фиксируемой понятийно-категориальным аппаратом искусствоведения, и в силу бесспорного соотношения этих акций с рядом форм современного искусства, и из-за последовательности, которой придерживаются участники в выражении своих творческих взглядов в создании новых произведений искусства.

Представленные акции доносят до зрителя законченный художественный образ, который герменевтически сформирован. Любые трактовки произведения, интерпретационные подходы, характеризующиеся определенностью, снижают его художественные достоинства и разрушают целостность восприятия. То есть, говоря о широком спектре толкований смысла акций группы «Война», нет не только никакой необходимости выискивать намек на критику деятельности каких бы то ни было властных структур, но подобные изыскания умаляют художественную ценность произведения, вредят ему и являются наносными. Ведь в равной тогда степени смотрящий может рассуждать и о детской игре «в машинки», о путешествии в мир младенческих грез и фантазий, о приключениях доброго Гулливера, о сказке наяву и палочках волшебника, взмахнув которыми, художник, как ребенок, отправляется в мир счастливого и безмятежного детства. И уж тем более излишней будет попытка зрителя указать на некие сокрытые в акциях варианты реформирования органов власти. Указаний на подобное реформирование в акциях не содержится, подобная трактовка является совершенно излишней, наносной, вымученной и ведет к ложной трактовке произведения. Абсурдной является интерпретация акций как разжигающих ненависть и вражду к сотрудникам правоохранительных органов — к появлению такой точки зрения нет оснований.

Художественная идея, передаваемая художниками арт-группы «Война» зрителю, заключается, кроме отмеченной неоднозначности цели, характеризующей полноценность произведения искусства, в выражении новаторского, модернизационного подхода к существованию современного искусства».

Следующая пресс-конференция состоялась в феврале 2011 года и была приурочена к очередному суду, рассматривавшему вопрос о мере пресечения для активистов. Пресс-конференция была озаглавлена так: «Что получит арт-группа «Война» — государственную премию или тюремный срок?». В ней приняли участие: Андрей Ковалев, кандидат искусствоведения, доцент факультета искусств МГУ, лауреат премии в области современного визуального искусства «Инновация» 2008 года в номинации «Теория, критика, искусствоведение», член Экспертного совета Премии Кандинского; Андрей Ерофеев, кандидат искусствоведения, член жюри государственной премии в области современного искусства «Инновация»; Анна Каретникова, сотрудница Правозащитного центра «Мемориал» (программа по защите гражданских активистов); Стефания Кулаева, сотрудница АДЦ «Мемориал»; Александр Верховский, директор Информационно-аналитического центра «Сова». И уже после освобождения активистов, 3 марта 2011 года, была проведена пресс-конференция: «Активисты арт-группы «Война» на свободе. Что дальше?» с участием Воронникова и Николаева, а также их адвокатов.

Благодаря проведению пресс-конференций удалось привлечь внимание общественности к аресту и преследованиям активистов «Войны», поддерживать это внимание в течение всего срока их ареста, оперативно и достоверно освещать ситуацию, а также информировать общественность о позиции защиты.

10 февраля 2011 года по итогам заседания и голосования Экспертного совета был объявлен список номинантов VI Всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация 2010». В номинации «Произведение визуального искусства» на первом месте — «Арт-группа «Война». Акция «Член в плену у КГБ» (Санкт-Петербург)». Безусловно, включение «Войны» в список премии и последующая победа активистов тоже сыграли немалую роль в их освобождении.

В конце февраля 2011 года суд Дзержинского района Санкт-Петербурга постановил изменить меру пресечения Леониду Николаеву и Олегу Воронникову и отпустить ак-

тивистов на свободу под залог 300 000 рублей. Судья Тарасов продемонстрировал свою объективность в рассмотрении дела, учел доводы защиты и отказал в удовлетворении ходатайства следствия о продлении срока ареста.

Дальнейшие усилия защиты были направлены на прекращение преследования активистов. Одним из ключевых положений обвинения стал мотив розни к социальной группе полиция (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Для подтверждения наличия этого признака преступления самим следствием была назначена социологическая экспертиза. Перед экспертами доктором социологических наук В.Г. Зарубиным и кандидатом социологических наук Н.В. Немировой с кафедры прикладной социологии и социологической лаборатории Российского государственного педагогического университета им. Герцена был поставлен один-единственный вопрос: являются ли сотрудники милиции социальной группой? В итоге эксперты-социологи сделали следующее принципиально важное для всей правоприменительной практики заключение:

«Милиция в целом не является социальной группой. Сотрудники милиции не являются социальной группой — ни большой, ни реальной, ни номинальной. Сотрудники милиции, в отношении которых были совершены противоправные действия, указанные в материалах уголовного дела, не являлись на момент совершения преступления малой социальной группой».

Вот как прокомментировал свою позицию один из экспертов-социологов профессор Зарубин:

«Российское общество уснуло, и его пора будить. Так пусть это делают арт-группы, а не революционеры. Ясно, что по шкале «красиво/некрасиво» оценить творчество «Войны» не получится. Обыватель, сидящий во мне, настаивает: «Это отвратительно». Но я вспоминаю, как школьная учительница говорила: «Поощещина общественному вкусу — это гениально». Вспоминаются, Маяковский, Хармс, Бурлюк».

В результате следствие было вынуждено прекратить уголовное дело в отношении активистов арт-группы «Война» из-за отсутствия признаков состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Эта победа — крайне значимый результат с точки зрения правоприменительной практики, позволяющий исключить возможность преследования общественных активистов за «хулиганство по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (полиции, чиновников, власти в целом).

Но уже месяц спустя прокуратура Санкт-Петербурга отменила решение о прекращении уголовного дела в отношении активистов арт-группы, а следствие назначило повторную социологическую экспертизу, иначе сформулировав поставленные перед исследователями вопросы о наличии в действиях Воротникова и Николаева мотива политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды. И снова эксперты не усмотрели ни одного из названных мотивов в действиях активистов. После этого дело о «Дворцовом перевороте» было вновь прекращено на основании постановления следователя от 1 декабря 2011 года, однако прокуратура посчитала нужным в третий раз возобновить это уголовное дело уже в январе 2012 года. Вот мнение адвоката из правозащитной ассоциации «Агора» Дмитрия Динзе, защищавшего Николаева:

«Есть заинтересованные лица из правоохранительной системы, которые любыми путями желают разобраться с активистами «Войны». Они могут придумать еще

дополнительные экспертизы, направленные на всевозможные уровни социальной жизни, пока силы и средства позволяют следователям работать на корзину».

Третье постановление о закрытии дела о «Дворцовом перевороте» датируется 24 февраля 2012 года, а 23 мая 2012 года следователь СК по Центральному ГСУ СКР по Санкт-Петербургу В. Рудь снова вынес очередное, четвертое постановление о прекращении дела. В частности, в постановлении отмечено, что оснований для переквалификации дела на ч. 1 ст. 167 УК РФ («умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба») не имеется, поскольку ущерб, нанесенный в ходе акции «Дворцовый переворот» (8002 рубля) «не является существенным».

В связи с закрытием уголовного дела было принято совместное заявление Антидискриминационного Центра «Мемориал» и Информационно-Аналитического Центра «Сова»:

«Это решение, основанное на мнении независимых экспертов и прецедентных решениях российских судов, является крайне важным для правоприменительной практики и защиты прав гражданских активистов от неправомерных преследований. Изначально следственные органы были склонны в этом деле интерпретировать статью 213 (хулиганство) в рамках антиэкстремистского законодательства и строить обвинение исходя из мотива розни к социальной группе. Однако ряд правозащитников и экспертов с самого начала поставили правомерность подобного подхода под сомнение. Общественные защитники и эксперты Информационно-аналитического центра «Сова» не раз выступали с критикой позиции обвинения по делу Воротникова и Николаева, указывая, что отсутствие твердого определения социальной группы — как в законе, так и в научном дискурсе — нередко приводит к произвольному толкованию этого понятия.

По духу закона оно должно защищать не любые группы, а лишь особо уязвимые. Тем не менее, часто закон используется для защиты именно тех, кто не только не уязвим, но имеет дополнительную защиту (например, сотрудники правоохранительных органов, защищаемые специальными законами). Лишь в некоторых ситуациях применение антиэкстремистского законодательства для защиты определенной социальной группы оправдано: в случаях, например, нападения на бездомных. Большая же часть случаев применения этой нормы закона весьма спорная. Чаще же всего под защиту законодательства попадают представители власти вообще или какие-то конкретные чиновники, военные, сотрудники правоохранительных органов.

Позиция правозащитников, уже несколько лет настаивавших на том, что эта норма закона используется неправомерно, нашла подтверждение в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 года. Верховный суд подтвердил, что пределы допустимой критики в отношении должностных лиц должны быть шире, чем в отношении обычных граждан.

Таким образом, победила точка зрения правозащитников о недопустимости применения антиэкстремистского законодательства для преследования критиков власти. Представляется необходимым добиваться признания незаконности преследования обвиняемых в ненависти к социальной группе, понимаемой как выражение недовольства теми или иными представителями власти. Между тем, ряд людей был уже ранее осужден по подобным делам (достаточно вспомнить осужденного за ненависть к милиции блогера Савву Терентьева или отбывшего реальный срок заключения за неприязнь к

властям Татарстана Ирека Муртазина), да и сейчас продолжается следствие в Барнауле по делу людей, всего лишь использовавших плакат на медицинском учреждении для выражения протеста против ряда политиков и обвиняемых в хулиганстве по мотиву «ненависти к представителям власти». Все подобные дела должны быть закрыты или переквалифицированы, опыт, полученный в деле «Войны», должен стать последней попыткой осудить политическое недовольство как проявление экстремизма»⁵.

Адвокаты активистов обратились в Европейский суд по правам человека. В жалобе Леонида Николаева, которую он направил в феврале 2011 года, находясь в следственном изоляторе (номер жалобы 21051/11), гражданский активист заявляет, что Россия нарушила его право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Леонид Николаев сообщает о незаконном избрании в отношении себя меры пресечения в виде заключения под стражу, незаконном продлении ареста и нарушении права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу. В течение трех месяцев ареста Николаева законность избрания ему меры пресечения не была оценена кассационной инстанцией (Европейский суд в своей практике указывает, что такая оценка должна быть дана в течение месяца после ареста).

Кроме того, Леонид Николаев обращает внимание на тот факт, что арест является исключительной мерой пресечения, когда есть веские основания подозревать человека в совершении преступления и имеются доказательства того, что он может скрыться или помешать следствию. Признательных показаний Николаев не давал, воспользовавшись ст. 51 Конституции (право не свидетельствовать против себя), достаточных оснований подозревать Николаева в хулиганстве у суда не было, а следствие не смогло доказать, что в случае освобождения гражданский активист может сбежать или оказывать давление на свидетелей. Фактически следствие сделало вывод о якобы причастности Николаева к преступлению из материалов «Википедии» и блогов. Нет ни одного свидетеля, который бы указал на Николаева как на участника акции «Дворцовый переворот», на распространенной в интернете видеозаписи же зафиксировано, что машины переворачивали более двух человек, которые были в капюшонах с закрытыми лицами, и идентифицировать их невозможно.

Позже, 31 августа 2011 года, процедуру регистрации в Европейском суде по правам человека прошла и жалоба активиста арт-группы «Война» Олега Воротникова (номер 48502/11).

31 марта 2011 года Николаев, Сокол и Воротников были задержаны во время участия в несогласованном шествии по Невскому проспекту. Первоначально активистов привлекли к административной ответственности по ст. 19.3, 20.2, но затем в отношении Воротникова было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 1 ст. 318, ст.319 УК РФ (хулиганство, применение насилия в отношении представителя власти, оскорбление представителя власти), а в отношении Натальи Сокол — по ст. 319.(оскорбление представителя власти).

Возбуждение нового дела в отношении Воротникова опять по статье «хулиганство по мотиву... ненависти» к «социальной группе милиция» после того, как была доказана полная юридическая несостоятельность подобного обвинения, было столь нелепым, что делу фактически не был дан ход: Воротников не был арестован, позднее, когда он перестал приходить на следственные действия, в отношении него был объявлен розыск.

Когда полиция чувствует себя оскорбленной (ст. 319 УК РФ)

1 марта 2011 года, в день вступления в силу «Закона о полиции», в Петербурге проходил протестный перформанс. Его целью было установить картонный макет полицейской будки у Гостиного Двора, на месте проведения акций в защиту свободы собраний, так регулярно подавляемых полицией⁶. Но во время переноса инсталляции произошло непредвиденное: один из полицейских (сержант М.Н. Маркин) предпринял попытку задержать активистов, шедших по улице с картонной коробкой, в результате чего конструкция была уничтожена. В ходе произошедшего часть объекта оказалась на голове у сотрудника полиции. Никто из участников акции не был задержан на месте происшествия.

14 апреля 2011 года по факту описанных событий следственный отдел по Центральному району ГСУ СК РФ возбудил уголовное дело по двум статьям УК РФ: 318 и 319 (применение насилия в отношении представителя власти; оскорбление представителя власти). Расследование проводилось при оперативной поддержке 2-го отдела ЦПЭ ГУВД. 23 июня 2011 года в рамках расследования дела был задержан Филипп Костенко — один из социальных активистов Петербурга. Костенко было предъявлено обвинение по ст. 319 УК РФ, в его квартире проведен обыск, в ходе которого изъяты вещи и компьютеры, а в качестве меры пресечения избрана подписка о невыезде. По версии следствия, Костенко «вступил в предварительный сговор с группой неустановленных лиц с целью оскорбления представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей» (обвинительное заключение по делу). Для этой цели и была сожжена картонная коробка с надписями «милиция» и «полиция», которую Костенко, совместно с другими лицами, надел на голову сотрудника полиции, тем самым, с точки зрения следствия, «унизил его честь и достоинство как представителя власти».

Но, по версии самого активиста и его защитников, ситуация обстояла иначе: в ходе проведения акции не планировалось оскорблять сотрудника полиции, его появление было неожиданным, а коробка на голове у полицейского оказалась спонтанно, в ходе неразберихи и из-за его собственных непрофессиональных действий. Полицейский Маркин, не представившись и без объяснения причин своих действий, начал вырывать у шедших по улице людей объект инсталляции. При этом участники акции не нарушали законодательство и общественный порядок, а действия полицейского были ничем не обоснованы. Кроме того, Костенко стоял лицом к потерпевшему, о чем сам Маркин заявил в суде, а часть коробки была надета на сотрудника полиции сзади. Остается неясным, каким образом это мог сделать обвиняемый. Данная версия подтверждается показаниями самого потерпевшего, свидетелей обвинения и видеоматериалами.

Суд по этому делу начался 19 января 2012 года в 203-м судебном участке, под председательством судьи Кузнецова⁷. В самом начале судебного заседания сторона защиты заявила отвод судье Кузнецову, который он отклонил. Основанием для отвода послужила уверенность в заинтересованности и заранее сформированном обвинительном уклоне суда в отношении Костенко. Высказанная позиция была связана с тем, что судья Кузнецов, вынося ранее постановление об административном аресте в отношении Костенко (еще 7 декабря 2011 года), сослался в качестве обоснования подобной меры наказания на наличие уголовного дела по ст. 319 УК, то есть фактически нарушил пре-

---

⁶ Подробнее об акции см: <http://cherno-sliv.livejournal.com/2011/03/02/>

⁷ <http://grani.ru/blogs/free/entries/195015.html#cut1>

зумпцию невиновности, заранее считая лишь обвиняемого человека виновным, в то время как судебное решение по вышеназванному делу вынесено не было⁸. Кроме того, на первом же заседании выяснилось, что следствие потеряло CD-диск с видеодокументацией акции, что было основным вещественным доказательством по делу.

Утверждения следствия о преднамеренном оскорблении и участии в нем обвиняемого активиста так и не нашли подтверждения. Обвинительное заключение было опровергнуто и показаниями потерпевшего, и свидетеля. По-видимому, наличие существенных противоречий и явная уязвимость позиции судьи, еще до окончания следствия по делу считавшего Костенко виновным, повлияли на решение суда, который хоть и признал Костенко виновным, но приговорил его всего лишь к выплате символического штрафа 10 тысяч рублей.

Защита от административного преследования

Месяц ареста за участие в мирном протесте

Практика административных преследований широко распространена. Как правило, в случае задержания во время или после акций протеста активисты привлекаются к ответственности по двум статьям КоАП РФ (ч. 1 ст. 19.3 и ч. 2 ст. 20.2), и в дальнейшем, после рассмотрения дела мировым судом, им назначаются штрафы, но в редких случаях суды выносят постановления об административном аресте. Так, после протестов в декабре 2011 года за несколько дней было задержано более 500 человек, арест на срок до 15 суток был назначен примерно 10 задержанным судьей 203-го участка Кузнецовым. Среди этих дел можно подробнее остановиться на деле уже упомянутого Ф.А. Костенко, задержанного 6 декабря 2011 года в начале одной из акций протеста и получившего максимально возможное по КоАП РФ наказание — 15 суток ареста.

Вот как описывает Костенко эти события :

«Меня задержали 6 декабря на Гостином дворе около 7 вечера перед началом акции протеста против фальсификации выборов. Видимо, по наущению Центра «Э» меня превентивно задержал ОМОН — четыре человека подошли ко мне и забросили в автозак. Наверное, я был одним из первых задержанных на акции, на которую так и не попал.

В дальнейшем в этот же автобус поместили еще человек 20, нас довели до одного из отделов полиции, где составили протокол по ст. 19.3 (неповиновение сотруднику полиции) на всех, вне зависимости от того, кто что делал, кто в чем участвовал. Среди задержанных было несколько абсолютно случайных людей, которые договорились со своими друзьями встретиться на Гостином Дворе и попали под этот замес. Но ко всем их просьбам полиция была глуха: всех закрыли по камерам до утра, до суда.

---

⁸ Подробнее о роли судьи Кузнецова см. далее.

Утром нас повезли в суд, в печально известный 203-й участок. Там работает мировой судья Кузнецов, который знаменит своими судебными решениями, связанными с вынесением арестов активистам «Стратегии-31».

Как говорили полицейские по дороге в суд, было около 200 задержанных, многие просили перенести рассмотрение дела по месту жительства. Эти ходатайства в основном удовлетворялись, потому что рассмотреть 200 дел Кузнецов физически не мог. Однако в отношении тех, на кого указывали присутствовавшие в здании суда оперативники Центра «Э», Кузнецов проводил судебное разбирательство. К числу этих людей отнесли и меня. Кузнецов практически без разговоров вручил мне уже заготовленное постановление о том, что я арестован по статье 19.3 на 15 суток.

Я не мог заявить никаких ходатайств, не мог пригласить адвоката, не мог ничего сделать, потому что решение уже было готово, и улыбающийся Кузнецов меня с этим поздравил. После меня доставили в тот же отдел полиции, где оформили все документы, и повезли на Захаревскую, 6 в спецприемник ГУВД Санкт-Петербурга для административно арестованных⁹.

Как видно из приведенного фрагмента, Костенко был лишен права на защиту, суд проходил с серьезными процессуальными нарушениями, а в качестве одной из причин ареста судья указал в постановлении наличие справки из Центра «Э» — что в дальнейшем было признано незаконным уже в суде кассационной инстанции.

10 декабря 2011 года в Куйбышевском районном суде состоялось рассмотрение кассационной жалобы на привлечение к ответственности Костенко. Судья А.П. Дондик признал действия полиции в ходе массовых мероприятий законными и обоснованными, а наказание в виде 15 суток ареста фактически за участие в мирном собрании — справедливым и соразмерным.

Адвокат арестованного указал в жалобе как на многочисленные процессуальные нарушения, так и на отсутствие в действиях осужденного состава административного правонарушения. Помимо этого, в жалобе была представлена общая правовая оценка ситуации с неправомерными задержаниями в Санкт-Петербурге, обосновывалась значимость права на свободу мирных собраний, особенно в случаях, когда реализация такого права является «немедленным ответом на какое-либо общественно значимое событие» (например, выборы).

Судья Дондик проигнорировал доводы о нарушении Европейской конвенции, обосновал общественную опасность проведением мероприятия «непосредственно у выходов подземного перехода» и подтвердил законность действий сотрудников полиции по разгону митинга. В ходе судебного заседания судья отклонил ходатайство адвоката о вызове в качестве свидетелей сотрудников полиции, проводивших задержание, несмотря на то, что составленными ими протоколы содержали противоречивые сведения. В результате судья устранил наиболее явные процессуальные нарушения из постановления своего коллеги Кузнецова, но признание виновным и назначение наказания в виде 15 суток ареста оставил без изменений. В ответ на это решение Филипп Костенко объявил голодовку.

Оба решения суда свидетельствуют об отсутствии эффективных средств правовой защиты и справедливого суда в условиях, когда на стороне обвинителей действует вся система правоохранительных органов, а суд исполняет формальную роль придания видимости законности репрессивным мерам.

---

⁹ <http://grani.ru/blogs/free/entries/194689.html#form>

13 декабря 2011 года адвокат Филипп Костенко подал жалобу в Европейский суд по правам человека на нарушение Россией статей 6 (справедливое судебное разбирательство) и 11 (право на свободу собраний) Конвенции по правам человека. Кроме того, в ЕСПЧ подано ходатайство о рассмотрении дела в приоритетном порядке в связи с необратимыми последствиями для здоровья Костенко: прогрессирующая миопия, осложненная астigmatизмом, на фоне голодовки могла обернуться слепотой. Поскольку заявитель отбывал наказание в полицейском спецприемнике по единственной причине — попытке реализации им своих гражданских прав, — адвокат также попросил Суд назначить обеспечительную меру в порядке статьи 39 Регламента Суда, обязав Правительство РФ немедленно освободить заявителя и предложить заявителю прекратить голодовку.

14 декабря 2011 года были отправлены адвокатские запросы начальнику спецприемника ГУ МВД В.С. Бокочу и главе ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области М.И. Суходольскому с просьбой обеспечить постоянное медицинское наблюдение за состоянием здоровья Ф. Костенко в связи с угрозой слепоты.

После истечения 15 суток ареста преследования в отношении Филиппа Костенко не закончились. За время ареста сотрудниками Центра «Э» было возбуждено другое административное дело — на этот раз по совсем абсурдному обвинению: еще в октябре 2011 года Филипп был задержан у отдела полиции (куда он пришел, чтобы передать еду задержанным товарищам) и ложно обвинен в «нецензурной брани в общественном месте» (статья 20.1 КоАП РФ — «мелкое хулиганство»). На выходе из спецприемника он был вновь задержан оперативниками Центра «Э» и доставлен в 43-й отдел полиции для привлечения к административной ответственности за правонарушение, произошедшее еще в октябре 2011 года. Постановление о приводе на суд было передано администрации приемника за несколько минут до предполагаемого освобождения в связи с тем, что «Костенко не явился на суд», хотя в это время он отбывал 15 суток административного ареста.

22 декабря 2011 судья 153-го участка Е.К. Ермолина назначила активисту еще 15 суток административного ареста. И это несмотря на то, что, согласно показаниям свидетелей, в тот день Филипп принес продуктовую передачу для задержанных, во время чего и был арестован и препровожден в отдел полиции, хотя порядка не нарушал. Судья без каких-либо оснований отклонила все ходатайства подсудимого, в том числе дать время на подготовку к процессу, вызвать свидетелей, удовлетворив только привлечение в качестве общественного защитника профессора филиала ГУ ВШЭ В.В. Костюшева. Исходя из того, что, по мнению суда, «не доверять рапортам сотрудников полиции о том, что Филипп Костенко нарушал общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, у суда нет оснований», судья также отклонила ходатайство о вызове в суд сотрудников полиции для проверки их показаний и перекрестного допроса. В отличие от рапортов сотрудников полиции, устные показания свидетелей защиты, лично явившихся в суд, судья признала заслуживающими доверия. На это решение адвокатами О. Цейтлиной и С. Голубком была отправлена жалоба в Комитет ООН по правам человека.

26 декабря 2011 года Петроградский районный суд в лице судьи С.П. Жигуновой рассмотрел кассационную жалобу на постановление мирового суда. После аргументированных выступлений адвоката Ольги Цейтлиной и общественного защитника Владимира Костюшева с доказательством невиновности Филиппа Костенко и с требованием его освобождения за отсутствием состава нарушения суд принял решение «Оставить без удовлетворения жалобу адвоката Цейтлиной О.П. в защиту интересов Костенко Ф.А.».

Рассматриваемые дела могут служить иллюстрацией политически мотивированного давления на активистов. Все они проходили и были инициированы городским Центром по противодействию экстремизму, и сотрудники этого подразделения присутствовали на рассмотрении административных дел в суде. Данные суды изначально носили обвинительный характер, проходили с грубыми процессуальными нарушениями, доводы защиты были совершенно проигнорированы, после чего судом выносились необоснованно жесткие приговоры. Обжалование постановлений в кассационном порядке в районных судах также не имело результатов, по всей видимости, из-за политической подоплеки.

В праздничные предновогодние дни конца 2011 года активизировалось еще одно расследование по уголовному делу, возбужденному против Филиппа Костенко по статье «вандализм». Когда Костенко отбывал вторые 15 суток административного ареста, для дальнейшего лишения свободы была предпринята попытка использования механизмов уголовного преследования — преследования, также напрямую связанного с протестными действиями активиста, которые власть желала представить преступлениями. В этом деле объектом «осквернения» пытались признать предвыборный щит партии «Единая Россия», что само по себе не оставляло сомнений в политическом характере преследований.

Ранее сотрудники Центра «Э» пытались привлечь активиста по ст. 319 УК («оскорбление представителя власти») за ненасильственную художественную акцию протеста против произвола сотрудников полиции (см. предыдущий раздел). Но, видимо, преследования по статье, не допускающей наказания в форме лишения свободы, показались кому-то недостаточными — и вот в канун Нового года в изолятор к Костенко пришли дознаватели по делу о «вандализме». Обвинение по этому делу поспешно перекалфицировали в ту часть статьи, которая подразумевает арест, то есть вандализм, совершенный группой лиц или по мотиву розни. Доказательств ни того, ни другого у следствия не было, да и само обвинение в «вандализме» по отношению к предвыборному плакату нелепо: ведь политическую рекламу никак нельзя признать ценным культурным объектом!

Как заявлял в связи в этом АДЦ «Мемориал»,

«Массовость начавшихся в декабре акций протеста, проявленная в связи с этими выступлениями готовность власти к определенному диалогу с гражданским обществом и уступкам демократическим требованиям их участников показывают, что протестная активность — право, а не преступление, а те, кто выступили чуть раньше и решительнее других, заслуживают лишь уважения и благодарности».

4 января 2012 года — накануне конца 30-дневного срока административного ареста активиста — состоялся суд по избранию меры пресечения в связи с «делом о вандализме», на который Костенко был доставлен прямо из изолятора. Основным доводом дознания для применения меры пресечения в виде ареста было: «нарушение надлежащего поведения», что выражалось в многочисленных административных правонарушениях Филиппа Костенко, не имеющих прямого отношения к данному обвинению.

Василеостровский районный суд отказал ходатайству дознавателя в изменении меры пресечения с обязательством о явке на содержание под стражей активиста и правозащитника Филиппа Костенко. Для суда были предоставлены поручительства от депутатов ЗакСа из фракции «Яблоко» А. Кобринского и Б. Вишневого, депутата ГД РФ из фракции «Справедливая Россия» И. Пономарева, характеристики с места работы и от общественных организаций. Защита активиста — адвокаты О.П. Цейтлина и И.А. Рябчиков, общественный защитник В.В. Костюшев — настаивали на неверности обвинения в вандализме, поскольку плакат не был ни культурным объектом, ни транспортным средством или архитектурным строением. Благодаря поддержке адвокатов и поручителей суд смог принять независимое решение.

В дальнейшем следствие не предпринимало попыток изменить меру пресечения по этому делу в отношении Костенко. Более того, в течение всего последующего года не было осуществлено почти никаких существенных следственных действий (Костенко допросили после освобождения лишь один раз), по сути дела расследование этого надуманного уголовного дела прекратилось само собой.

Костенко был освобожден из-под ареста 5 января 2012 года, и дальнейших административных преследований не было. Вот как прокомментировал сам активист свое освобождение:

«Я хотел бы поблагодарить всех тех людей, людей самых разных взглядов, которые оказывали мне поддержку все это время. Солидарность, которая проявлялась в течение всего ареста была важна. Мое освобождение – это, несомненно, заслуга социальных активистов, правозащитников, адвокатов – всех тех, кто боролся за меня. Именно благодаря солидарным действиям удалось добиться, чтобы я вышел на свободу».

Действительно, в поддержку арестованного, в общей сложности, на месяц, активиста была организована общественная и правозащитная кампания, проходили акции солидарности, сбор подписей под обращениями к властям, к проблеме удалось привлечь внимание СМИ, незаконные действие и постановления были обжалованы в вышестоящих судах, а в конечном итоге жалобы были направлены адвокатами и в Европейский Суд, где они были приняты к рассмотрению.

21 марта 2012 года Комитет по правам человека ООН коммуницировал жалобу на политическое преследование правозащитника Филиппа Костенко, поданную при поддержке АДЦ «Мемориал» адвокатами Ольгой Цейтлиной и Сергеем Голубком после назначения правозащитнику второго срока административного ареста. Властям России было предписано в течение шести месяцев предоставить свои соображения по вопросу приемлемости и существа данной жалобы (ей присвоен номер 2141/2012). Россия заявила о неприемлемости жалобы в связи с тем, что якобы не были исчерпаны все внутренние средства защиты — не была подана надзорная жалоба. В своем ответном заявлении адвокаты отметили, что надзор не признается эффективным средством правовой защиты по международному праву.

«Протоколы под копирку»: массовые административные преследования участников протестного движения

С декабря 2011 года изменилась реакция граждан на действия государственных органов и на курс, которого придерживается государственная власть в целом. Общество стало более активно выражать свое мнение, протестовать против различных нарушений закона.

Одна из форм проявления активной гражданской позиции — публичные мероприятия, согласованные с органами госвласти или нет. Конституция Российской Федера-

ции закрепляет «право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает на проведение публичных мероприятий только такие ограничения, которые необходимы в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Однако законодательством РФ установлены особые правила согласования мероприятий, не учитывающие положения, предусмотренные Конвенцией, — именно их касается заключение Венецианской комиссии о российском законодательстве от 20 марта 2012 года, ст. 37 которого отмечает, что «могут быть случаи, в которых публичное мероприятие организовывается как срочный и немедленный ответ на непредвиденное событие, и в этом случае может быть невозможным соблюдать обычные сроки уведомления». Стихийные и срочные собрания защищаются Европейской Конвенцией по правам человека: «собрания, которые несут с собой послание, которое будет ослаблено, если будет соблюден установленный период уведомления, особенно если собрания проводятся как немедленный ответ на текущее событие, требуют также защиты».

Несмотря на перечисленные выше международные нормы, в ходе митингов и других протестных акций люди, пришедшие выразить свою позицию — именно как немедленную реакцию на произошедшие события, — подверглись многочисленным задержаниям сотрудниками полиции. Более того, среди задержанных оказались и те, кто случайно оказался рядом и не принимал участия в публичных мероприятиях, и те, кто не знал, что акция не санкционирована. Для того чтобы задержать участников протестов более чем на 3 часа, всем без исключения задержанным была вменена статья 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законным требованиям сотрудника полиции», несмотря на то, что ее применение недопустимо в данной ситуации. Во-первых, потому, что продолжение противоправного поведения (участие в публичном мероприятии), согласно ст. 4.3 КоАП РФ, является отягчающим обстоятельством нарушения установленного порядка проведения публичного мероприятия (ст. 20.2 КоАП РФ) и, как следствие, не может выступать отдельным составом. Во-вторых, нарушение установленного порядка проведения публичного мероприятия посягает на общественный порядок и общественную безопасность, а не на порядок управления, что подтверждает невозможность и неоправданность вменения статьи 19.3 КоАП РФ.

Интересно, что такие репрессивные меры, как административный арест, применялись не только непосредственно после акций протеста, что, по крайней мере, можно объяснить желанием не допустить наиболее активных протестующих на следующие акции в ближайшее время, но и спустя длительное время, когда протестная активность значительно снизилась. Так, один из участников декабрьских акций протеста Кирилл Е. был уже в марте 2012 года приговорен к 10 суткам административного ареста мировым судьей пос. Горелово. При этом никаких отягчающих обстоятельств не было, Кирилл Е. после задержания больше не участвовал в каких-либо публичных мероприятиях. Тем не менее, обжалование во всех инстанциях не дало положительных результатов: Кирилл отбыл десять суток ареста спустя три месяца после присутствия в месте проведения протестной акции. По этому делу была подана жалоба в Европейский Суд, поскольку по практике ЕСПЧ десять суток лишения свободы является непропорциональным, несоразмерным наказанием за участие в мирной демонстрации.

Помимо преследования гражданских активистов за политические акции, особо актуальным стал вопрос о том, какие, собственно, акции могут рассматриваться как «несанкционированные», и вообще как акции, требующие согласования. Согласно соответствующим пунктам закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и

пикетировании»¹⁰, в соответствии с которым даже акции, которые направлены на подготовку согласованных митингов, шествий и демонстраций, требуют, в свою очередь, согласования. В частности, информирование граждан о согласованной акции в виде пикета тоже, по мнению законодателя, требует согласования.

В то же время, хотя Закон Санкт-Петербурга «О собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях и пикетированиях в Санкт-Петербурге» не распространяется на проведение религиозных обрядов и церемоний, а также на культурно-массовые, спортивные и иные мероприятия (ст. 3)¹¹, в реальности любые акции, так или иначе демонстрировавшие свою связь с политическими протестами зимы 2011— весны 2012 гг. пресекались. Практически всегда участникам несанкционированных мероприятий предъявлялись обвинения в нарушении двух статей КоАП РФ: 20.2 («Нарушение установленного порядка или правил проведения публичных мероприятий») и 19.3 («Неповиновение законным требованиям сотрудников милиции»).

Так, вечером 10 декабря 2011 года на Сенатской площади у Медного Всадника прошел флэшмоб «Похороны российской демократии», посвященный итогам последних выборов в Государственную Думу РФ. Более сотни людей собрались у подножия памятника с цветами и свечами. Молодой человек стоял с плакатом «Российская демократия, 1991-2011». К его ногам участники флэшмоба клали цветы. Видимо, полный сценарий флэшмоба организаторам выполнить не удалось, поскольку сотрудники правоохранительных органов расценили это мероприятие как несанкционированный митинг.

Основанием для задержания официально было неповиновение требованию «разойтись», при том, что большинство людей попросту не понимали, что именно они нарушают: у памятника Петру гуляли и стояли люди, которые просто присутствовали при некотором действии, не участвуя в нем. По рассказам одной из задержанных, Маргариты К., первую ночь она провела в отделении полиции Выборгского района, в двухместной камере находилось шесть задержанных, затем часть из них была переведена в другое отделение. Утром всех привезли в суд, после нескольких часов ожидания отвезли обратно. Позже выяснилось, что неверно были оформлены протоколы задержания: вначале в протоколах значились обвинения по статьям 19.3 и 20.2 за участие в «Стратегии-31». Позже протоколы были переделаны, и там появились уже обвинения в том, что на «несогласованном пикете высказывались мнения общественно-политического характера по поводу выборов 4 декабря». Когда Маргарита К. пыталась написать в протоколе, с чем она не согласна (там значилось: «Возлагала цветы к ногам молодого человека»), на нее кричали, а одному задержанному, который отказался подписать протокол, угрожали с применением нецензурной лексики. На вторую ночь задержанных оставили в актовом зале, друзья привезли коврики и спальные мешки. На следующий день в суде желающие могли признать свою вину и получить квитанции о штрафах, которым помогал адвокат с ходатайствами о переносе суда по месту жительства.

Нужно отметить, что даже в случае соблюдения процедуры согласования публичных мероприятий их организаторы и участники не могут быть уверены в том, что не будут задержаны. Так, 13 ноября 2012 года в Санкт-Петербурге проводился пикет памяти Тимура Качаравы, согласованный с администрацией. Несмотря на то, что никаких нарушений в ходе мероприятия не было, один из заявителей акции, Андрей Якимов, был произвольно задержан за «превышения числа участников пикета». При этом никаких реальных доказательств представлено не было, задержание было основано только на усмотрении сотрудников полиции. Очевидно, что в такой ситуации

---

¹⁰ Здесь и далее говорится о старой версии Закона, до принятия новых поправок в июле 2012 года.

¹¹ Текст закона в версии от 8 июня 2011 года.

любое проявление гражданской активности становится связанным с серьезным риском привлечения к ответственности, что, конечно, влияет на возможность реализации гражданами своего права на свободу мирных собраний.

«Иное средство агитации»

22 марта 2012 года на Марсовом поле в преддверии согласованного митинга группа активистов решила проинформировать горожан о предстоящей акции, для чего предполагалось на велосипедах проехать по определенному маршруту и раздать листовки с призывом участвовать в согласованной акции протеста. Для этого участники собрались на Марсовом поле, украсили свои велосипеды белыми шариками и ленточками и были готовы разехать с листовками к станциям метро, но их тут же задержали по обвинению в проведении несанкционированной акции с применением автотранспортных средств (велосипед). (При этом не задержали человека, у которого не было ни ленточки, ни шарика, хоть и был велосипед.)

В ходе судебного разбирательства (первое заседание состоялось уже 4 апреля 2012 года) самым важным доказательством того, что сбор велосипедистов был именно «несанкционированной акцией», стали белые ленточки и белые шарики. Они, по мнению полиции, явились «иным средством агитации», следовательно, речь шла о несогласованном митинге. «Вина» собравшихся состояла лишь в том, что они встретились и имели при себе белые шарики, — не звучало никаких призывов, выступлений, и вообще действий как таковых группа не предпринимала¹². Тем не менее, после фантастического по юридическим меркам обвинения майора Аболина в том, что группа участвует в «несанкционированном скоплении граждан»¹³, некоторые участники были задержаны, и особенно абсурдно выглядит то, что задержания производились как раз в момент рассредоточения этого «скопления» (когда велосипедисты по предложению организатора акции стали покидать Марсово поле).

Составленный сотрудниками полиции протокол гласит:

«22.03.2012 в 19 часов 30 минут по адресу Марсово поле г. Санкт-Петербурга, _____ добровольно организовал массовое присутствие граждан в указанном месте для публичного выражения мнения по поводу актуальных проблем общественно-политического характера. При этом гражданин Волохонский В.Л. раздавал листовки с названием «Первый марш весны» и воздушные шары белого цвета с надписью «Перевыборы» участникам публичного мероприятия с использованием транспортного средства велосипеда, т.е. гр. Волохонский В.Л. организовал проведение публичного мероприятия с использованием транспортного средства, которое не было согласовано в установленные сроки в данном месте с Комитетом по законности, правопорядку и безопасности г. Санкт-Петербурга».

---

¹² Видео задержания см.: <http://www.youtube.com/watch?v=2iRRTd5JC4U>

¹³ Формулировка, которая, как представляется, предвосхитила нынешнюю норму Закона о организации массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан (ст. 20.2.2 в новой версии Закона).

Многие «велосипедисты» были обвинены по статьям 19.3 и 20.2, хотя интересно, что именно организатор, Владимир Волохонский судом апелляционной инстанции был оправдан по нереабилитирующему основанию: судья обратила внимание на то, что мировой судья присудил «штраф», а должен был — «административный штраф», поскольку в КоАП РФ есть только такая санкция.

Новые формы репрессий: преследования за неполитические «массовые мероприятия»

Еще более нелепым примером репрессивного характера уже новой версии закона о публичных мероприятиях стал «Бой подушками», который состоялся 10 июня 2012 года. Незнакомые между собой люди устроили бой подушками, были задержаны сотрудниками ППС и обвинены в «препятствии доступа к мемориальному комплексу Марсова поля», а также «поднятии пыли» и разбрасывании «пуха и перьев» от подушек. В результате, несмотря на отсутствие потерпевших и четких формулировок причин задержания, семь человек было задержано (полиция сформулировала обвинение так: «Могло произойти массовое нарушение общественного порядка, поэтому потерпевших не искали»; задержания были «точечными», чтобы не «возбудить массовые беспорядки», — как отмечают наблюдатели, попросту «хватали кого попало»). Задержанные были обвинены в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.2.2 КоАП РФ (участие в массовом одновременном пребывании граждан в общественных местах), и оштрафованы на суммы от 10 000 до 15 000 рублей.

Во многих регионах были задержаны участники подобных неполитических акций: флэшмобов, экстремальных прыжков, велопробегов. Такая практика показывает абсурдность и юридическую безграмотность принятых наспех изменений закона, касающихся «массового пребывания» в общественных местах.

Дела задержанных в мировых судах

Результатом задержаний стали затяжные разбирательства — первоначально в мировых судах. По ходатайствам задержанных большая часть дел была перенесена по месту их жительства, что на практике привело к достаточно длительному периоду рассмотрения дела (некоторые дела, перенесенные еще в декабре 2011 года, за 3 – 6 месяцев не были рассмотрены даже в первой судебной инстанции — в мировых судах). Сложности, связанные с рассмотрением дел в суде, возникли, когда задержанных,

часть из которых провели более двух суток в отделении полиции и в автобусах перед зданиями судов, повели на заседания. Активисты, находясь в стрессовой ситуации, в условиях непредоставления им места для сна, воды и продовольствия, зачастую даже отсутствия возможности воспользоваться туалетом, были не в состоянии не только защитить себя в судебном процессе и отстаивать собственное право на участие в публичном мероприятии, но и просто объяснить свою позицию. Многие задержанные находились в описанных обстоятельствах впервые и совершенно не имели представления о принципах ведения административного производства — и о формальных процедурах, и о методах защиты, которыми они вправе воспользоваться.

Многие задержанные не знали о том, что дело можно перенести в мировой суд по месту регистрации (правда, к марту 2012 года судьи перестали удовлетворять это ходатайство, особенно тем, что привлекался за участие в публичных мероприятиях неоднократно); отложить рассмотрение дела для ознакомления с материалами дела (однако и в таких случаях судьи могли отправить знакомиться с материалами, объявив перерыв в рассмотрении дела, например, на 10 минут, что недостаточно для ознакомления неподготовленного человека с материалами дела); ходатайствовать о переносе слушания в связи с необходимостью вызова защитника (стоит учитывать, что при удовлетворении такого ходатайства защитник должен явиться на следующее слушание или, в крайнем случае, имеет право перенести следующее заседание по ходатайству, но не более чем еще на один раз).

В описанной выше ситуации судьями принимались единообразные решения, основанные на документах, некомпетентно составленных сотрудниками полиции: многочисленные нарушения были связаны как с оформлением материалов дела, так и с их содержанием. Многие задержанные и не подозревали, что они имеют право ознакомиться с материалами дела, полагая, что копия протокола об административном правонарушении, которая имелась при себе лишь у немногих, — это единственный документ, которым располагает суд (в то время как материалы дела должны содержать как минимум три протокола и два рапорта). А ведь в этих протоколах содержалось большое количество неверной и противоречивой информации, подлежащей установлению. Активисты не предполагали, что показания свидетелей с их стороны являются важными доказательствами, которые могут повлиять на исход дела: о вызове свидетелей необходимо было ходатайствовать. Одновременно с этим, многие задержанные не понимали, какой из фактов может быть подтвержден свидетелями и по какой из вменяемых статей (19.3 или 20.2 КоАП РФ).

Судьи пользовались беспомощностью лиц, в отношении которых велись дела об административных правонарушениях, и «штамповали» штрафы минимум 500 рублей за каждую статью, даже не разбираясь в материалах дел и не задумываясь о том, за что они судят людей. В случае, если рассмотрение дел не переносилось по месту жительства, всех задержанных в течение суток или двух (ситуация в марте 2012 года) судил с утра до вечера один и тот же судья. Логично, что при нежелании исследовать каждый конкретный случай, а также при наличии «приказа сверху» выносить постановления о назначении штрафов полноценное рассмотрение дела с исследованием всех материалов дела было фактически невозможно.

Впоследствии, в случаях, когда дела все же переносились по месту регистрации, судьи, рассматривавшие дела в мировых судах, искренне удивлялись нелепости и глу-

пости сотрудников полиции, вызванных в суд в качестве свидетелей. Одна из судей на заседании при допросе сотрудника полиции, составившего протокол об административном правонарушении, спросила:

«В протоколе указано, что вы, совместно с сержантом К. задерживали Ш., это так? — Нет, я ее не задерживал, я же сказал: нам их привезли уже в отделение и мы там оформили протоколы на всех. Я ее там первый раз увидел. — Протокол подписан вами? — Да, мной. — Вы понимаете, что там написано, что вы ее задерживали? — Да. — Зачем вы это сделали, если вы ее не задерживали? — Ну, мне начальник сказал — я и подписал. — А если бы он вам сказал достать ружье и стрелять, вы бы тоже это сделали? — Нет, ну это бы я не стал делать...»

Аналогичная ситуация на другом суде при допросе сотрудника полиции Е.:

«Вы подписали протокол об административном задержании лица, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, это так? — Нет, я только досматривала ее, я вообще работник отдела с несовершеннолетними, просто не хватало работниц для досмотра девушек, вот меня и вызвали, чтобы в выходной девочек ночью не вызывать на работу. — То есть вы ничего о ходе задержания лица не знали? — Нет. — И об обстоятельствах задержания? — Нет, ничего. — Ясно, спасибо.»

В следующем заседании этим же судьей был допрошен другой сотрудник:

«В протоколе об административном правонарушении указано, что вы задержали К., это так? — Нет, я ее не задерживал, нам в отдел ее доставили сотрудники части № 12. — Поясните, откуда вы тогда брали информацию для заполнения протокола? — Ну, она уже была напечатана. — То есть на всех задержанных у вас была одна форма протокола? — Да. — И никто не разбирался в том, что совершил каждый конкретный человек? — Нет, нам передали, что они все совершили правонарушения, предусмотренные статьями 19.3, 20.2 КоАП РФ. — И вы лично не разбирались в том, какие конкретно действия совершила К.? — Нет. — А зачем вообще тогда заполняли протоколы? — Вы думаете, мне так хотелось их заполнять? — А зачем вы тогда вообще устроились на эту работу?»

Несмотря на многочисленные противоречия в показаниях сотрудников полиции, судьи, как правило, исходят из того, что к показаниям обвиняемых они «относятся критически», в то время как «не доверять показаниям сотрудников полиции у суда нет оснований». Отчасти, как представляется, это связано с особенностью функционирования мировых судов. Как отмечает юристы, отсутствие стороны обвинения в мировых процессах только на первый взгляд может свидетельствовать о больших шансах обвиняемых на положительный исход дела. Напротив, в реальности судьи чаще всего берут на себя функции обвинения, осуществляя таким образом состязательность в процессе путем смешения своих функций и функций прокуратуры. В результате мировой суд становится местом разбирательства между стороной защиты и судьей. Понятно, что вследствие этого складывается обвинительный крен и фактически игнорируются противоречия, которые, согласно презумпции невиновности, всегда должны решаться в пользу обвиняемого.

Задержания в декабре 2011 года — примеры судебной практики

В декабре 2011 года в ходе акций протеста против фальсификации парламентских выборов в Петербурге за несколько дней было задержано, по информации ГУВД, в общей сложности 540 человек. Ситуации практически у всех задержанных сходны: задержание сотрудниками полиции без объяснения причин, затем доставление в отделы полиции и оформление на всех без исключения, вне зависимости от реальных действий, протоколов об административных правонарушениях по ст. 19.3, 20.2. Чаще всего — привлечение к административной ответственности, с отсрочкой судебного заседания из-за его переноса по месту жительства.

И вот в феврале 2012 года мировые суды, разных районов города стали рассматривать все эти многочисленные дела. Юристы правозащитной организации АДЦ «Мемориал» начали активно отстаивать права лиц, в отношении которых велись дела об административных правонарушениях: выступать в качестве защитников, помогать в ведении дела в суде. Благодаря этим действиям судьбы стали более внимательно подходить к рассмотрению подобных дел, приглашать и заслушивать свидетелей и чаще выносить оправдательные постановления.

Тамара К. была задержана в декабре у метро «Гостинный Двор». Девушку обвинили в участии в несогласованном митинге, в то время как она вместе с подругой шла из университета после сдачи зачета. После того как первое заседание состоялось, Тамара обратилась за помощью к правозащитникам. Юрист АДЦ «Мемориал» представлял интересы заявительницы в четырех судебных заседаниях, в ходе которых в качестве свидетелей были вызваны сотрудники полиции, составившие протоколы (по закону, это должны быть лица, производившие задержание). Одни из сотрудников дал такие объяснения: «Я работник другого района, нас из отдела отправили в другой, мы приехали и стали заполнять протоколы». На вопрос, задерживал ли он Тамару, сотрудник откровенно признался: «Нет, мне начальник сказал заполнять протокол — я и заполнял, мне стопку протоколов дали, они уже были заполнены». Второй сотрудник говорил то же самое: «Мне дали, я заполнил, людей этих я не видел, кто они и что делали — понятия не имею». В итоге производство по административным делам было прекращено.

Анна В. была задержана 4 декабря 2011 года у метро «Гостинный Двор», она не имела отношения к проводимым митингам, а шла из библиотеки в сторону метро. Интересы заявительницы были представлены в мировом суде, итогом чего стало прекращение производства по делу.

Никита И. был задержан 5 декабря 2011 года на митинге. В объяснении в протоколе он написал, что участвовал в мероприятии. Был, как и все, обвинен по двум статьям — 20.2 и 19.3 КоАП РФ, при этом никаких доказательств «неповиновения законным требованиям» в материалах дела не содержалось. Было вынесено постановление о назначении административного штрафа.

Екатерина К. была задержана полицией. Она прямо заявляла, что в мероприятии участвовала сознательно, настаивала на том, что это ее право. После нескольких заседаний, на которые не являлись вызванные сотрудники полиции, производство по административному делу было прекращено.

Был зафиксирован случай депортации иностранного гражданина после задержания на акции протеста:

Гражданин Ирана Бижан Мусави (слушатель курсов русского языка филологического факультета СПбГУ) 6 декабря 2011 года был задержан на митинге у Гостиного двора. Вместе с другими задержанными он был доставлен в отдел полиции для составления протоколов, а затем — в суд, который назначил Бижану административное наказание в виде штрафа. Но на этом злоключения гражданина Ирана не закончились: 12 декабря 2011 года он получил повестку с требованием явиться в УФМС, а 16 декабря не пришел на занятия, сообщив однокурсникам, что его куда-то увозят полицейские, после чего связь с ним пропала. Обеспокоенные друзья стали звонить в отделы полиции, в миграционную службу и в центр содержания иностранных граждан, волонтерам группы помощи задержанным в социальных сетях, правозащитникам. Сотрудники АДЦ «Мемориал» обращались в пресс-службу УФМС, в отдел полиции, проводивший задержание, в Центр содержания иностранных граждан — но нигде не могли получить информацию о судьбе иностранного гражданина. Через некоторое время позвонил отец Бижана и сказал, что ему сообщили о депортации сына, но достоверной информации о его местонахождении по-прежнему не было. В условиях такой скорой и тайной депортации, больше похожей на похищение, легитимность действий сотрудников российских правоохранительных органов и миграционной службы, очевидно, вызывает серьезные сомнения. Позже подтвердились сведения о депортации: из Санкт-Петербурга студент был срочно переправлен в Москву, откуда ночью 18 декабря вылетел в Иран. По решению о депортации ему был запрещен въезд в Россию в течение пяти лет, так что продолжить образование в Санкт-Петербурге Бижан в ближайшее время не сможет.

Между тем, адвокаты — специалисты по вопросам миграции — заявляют о незаконности такой произвольной депортации. В практике защиты иностранных граждан уже были случаи, когда немотивированные внесудебные решения о депортации на основании «нежелательности пребывания» на территории России становились инструментом преследований по дискриминационным (например, в отношении ВИЧ-инфицированных лиц) или политическим (как преследования иностранцев за общественную деятельность) мотивам. Статус иностранца позволил властям применить депортацию в качестве репрессивной меры за участие в митинге, что явно нарушает международные нормы и принципы.

Международная правозащитная организация Human Rights Watch осудила российские власти за аресты мирных демонстрантов на акциях протеста против итогов выборов в Госдуму. Правозащитники призвали освободить всех задержанных и уважать свободу собраний. Директор HRW по Европе и Центральной Азии Хью Уильямсон заявил, что протестующие имеют право выразить свое мнение по поводу того, как были проведены парламентские выборы в России. «Задержания мирных демонстрантов и их содержание под арестом неприемлемы в демократическом обществе», — подчеркнул он¹⁴.

---

¹⁴ <http://www.publicverdict.org/topics/news/9888.html>

Март 2012 года: продолжение протестов и ужесточение административных преследований

Власти города продолжили практику задержания участников мирных акций и после президентских выборов в марте 2012 года. Причем, по оценке наблюдателей, действия полиции, направленные против митингующих, ужесточились по сравнению с декабрьскими задержаниями. Об этом же свидетельствует статистика: 540 человек было задержано за 5 дней протеста в декабре и 480 — только за один день 5 марта.

Задержанных развозили по различным отделам полиции в разных районах города, где оформлялись протоколы об административных правонарушениях. Судебное рассмотрение же производилось в 40-м мировом судебном участке Санкт-Петербурга, так что в течение всего следующего дня перед судом стояла очередь из автобусов, забитых привезенными для разбирательства людьми. В таких условиях задержанные провели весь день. Помощь, как в плане обеспечения продуктами, так и юридической поддержки, взяли на себя добровольцы, объединившиеся в социальных сетях в группы помощи задержанным, консультированием занимались юристы правозащитных организаций, например, сотрудники АДЦ «Мемориал».

Суд крайне медленно удовлетворял ходатайства о переносе по месту жительства. Из-за огромного количества задержанных суд не успевал рассмотреть все поступившие материалы дел, поэтому многие были возвращены в отделы полиции, где их продолжали удерживать до следующего дня. При этом задержанным во многих отделениях не были обеспечены минимальные удобства, а условия их содержания в камерах были близки к пыточным. Так например, Николай Артёмов, задержанный 5 марта 2012 года, рассказывает о пребывании в 15 отделе полиции (пр. Руставели, 15):

«Я сидел в 15-м. В первую ночь было 15 человек в трех камерах. Камеры примерно 2 на 4 метра. Очень грязные и очень душные. Двое спали на скамейках, трое на полу на куртках. У одного парня была астма, баллончик давали только после 10-минутного долбления в дверь».

Другой задержанный из того же отдела — Виктор Хабаров:

«Пол грязный, углы в следах выделений, стены местами тоже. Соседи жаловались на запахи, я не почувствовал — видимо, насморк спас. Самое отвратительное — очень жарко и душно. К утру был весь мокрый, вентиляции почти ноль. Все протоколы были оформлены только непосредственно перед автобусом. Статью 20.2 писали задним числом, на дату 5.03.12, время 21:00. Поэтому фраза «У нас тут не гостиница, пусть сидят», которую бросили передававшему еду, — это просто пытка для людей, которые в этих условиях вынуждены провести двое суток, без доступа к нормальному сну и питанию все это время».

Кирилл Никифоров находился в 31-м отделе полиции:

«Содержание: за 29 часов воды не дали ни разу, один раз принесли быстрорастворимые супы по одному на человека. Место для сна предоставлено не было. Заставляли

фотографироваться и проходить дактилоскопию. Многие отказались, заставили написать причину отказа. Скотское содержание в автобусе перед судом. Набили три отделения, в итоге многие стояли по 5-6 часов. Приходилось меняться. Полицейские в автобусе отказывались представиться, что заснято на видео».

Шесть активистов были оставлены в отделе полиции и на третьи сутки, на них повторно составили фиктивные протоколы о неповиновении по ст. 19.3.

Ряд деятелей культуры и политиков, возмущенных массовыми задержаниями (Дмитрий Шагин, Юрий Шевчук, Александр Сокуров, правозащитники, депутаты), обратились к властям с открытым заявлением:

«Мы выражаем глубочайшее возмущение необоснованными задержаниями почти пятисот граждан на встрече с депутатами ЗакСа на Исаакиевской площади 5 марта и после него, необоснованным удержанием их в полицейских участках до настоящего времени. Это — позор для Петербурга»¹⁵.

Запрет «пропаганды»: исключение из общественного обсуждения неугодных тем

Архангельский закон о запрете «пропаганды гомосексуализма»

28 сентября 2011 года Архангельское областное собрание депутатов приняло, а 30 сентября 2011 года губернатор Архангельской области подписал закон Архангельской области № 336-24-ОЗ «О внесении изменений и дополнения в областной закон от 15.12.2009 №113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области». Данные изменения дополняют существующий областной закон следующей статьей:

«Статья 10. Меры по недопущению публичных действий, направленных на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, недопустимы».

---

¹⁵ <http://www.novayagazeta.spb.ru/2012/16/4>

21 ноября 2011 года губернатор Архангельской области подписал областной закон № 386-26-ОЗ «О внесении изменений и дополнения в областной закон «Об административных правонарушениях» от 03.06.2009 № 172-22-ОЗ, согласно которому областной закон был дополнен статьей 2.13:

«Публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от тысячи пятисот до двух тысяч рублей, на должностных лиц – от двух до пяти тысяч рублей, на юридических лиц – от десяти до двадцати тысяч рублей». Такие действия, «совершенные повторно в течение одного года, - влекут наложение административного штрафа на граждан – в размере от двух до пяти тысяч рублей, на должностных лиц – от пяти до десяти тысяч рублей, на юридических лиц – от двадцати до пятидесяти тысяч рублей».

Сразу после принятия закона ЛГБТ-активисты устроили пикеты в центре города, однако в тот момент полиция их не задерживала. Однако уже 11 января 2012 года полиция Архангельска задержала трех активистов: это были Николай Алексеев, Алексей Киселев и Кирилл Непомнящий. На плакатах, которые держали пикетчики, было написано: «Россия занимает первое место в мире по самоубийствам подростков. Среди них огромная доля — гомосексуалы. Они идут на этот шаг из-за отсутствия информации о своей природе. Депутаты — детоубийцы. Гомосексуальность — это хорошо!», «Дети имеют право знать в силу ст. 13 Конвенции о правах ребенка. Великие люди тоже бывают геями. Геи тоже становятся великими. Гомосексуальность — это нормально!», на плакатах также перечислялись имена великих людей, которые были гомосексуалами.

После ареста трое ЛГБТ-активистов были доставлены в ОВД Ломоносовского района Архангельска, где они пробыли четыре часа, были составлены протоколы о совершении ими административных правонарушений. Николаю Алексееву, Алексею Киселеву и Кириллу Непомнящему были предъявлены обвинения по ч. 1 ст. 2.13 Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях». На основании постановления мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского округа Архангельска от 3 февраля 2012 года, гей-активисты должны были выплатить штраф 2 000 рублей. Никаких нарушений или грубости при задержании активисты не усмотрели.

Одновременно была предпринята попытка оспорить правомерность закона в Архангельском областном суде, в который обратилась глава ЛГБТ организации Архангельска «Ракурс». Эта попытка не увенчалась успехом: 22 мая 2012 года Архангельский областной суд отклонил жалобу. В ответ на это была подана жалоба в Верховный Суд РФ, который уже 15 августа 2012 года вынес определение, где, в частности, указал, что «из изложенного выше... следует, что не любые публичные действия могут быть признаны таковой (пропагандой), запрет пропаганды гомосексуализма не препятствует реализации прав получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о гомосексуальности, проводить публичные мероприятия...в т.ч. открытые публичные дебаты о социальном статусе сексуальных меньшинств, не навязывая гомосексуальные жизненные установки несовершеннолетним...». Таким образом, иск был отклонен, хотя частично такое определение можно было бы считать победой, если бы в реальности любые публичные мероприятия не воспринимались как в Архангельске, так и в других регионах, где уже были приняты подобные законы, как «навязывание» и

«пропаганда» и потому запрещались. В частности, уже после подачи указанной жалобы ЛГБТ-активисты подали заявку на проведение публичного мероприятия по поводу нарушения прав гомосексуалов и получили отказ со ссылкой на запрет «пропаганды гомосексуализма». А 10 июля 2012 года Европейский Суд зарегистрировал жалобу на закон о запрете ЛГБТ-пропаганды в Архангельской области.

Закон о запрете «пропаганды гомосексуализма» в Санкт-Петербурге

16 ноября 2011 года депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга одобрили в первом чтении законопроект, предусматривающий административную ответственность за публичные действия, направленные на «пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних». Накануне АДЦ «Мемориал» направил в ЗакС письмо, предупреждая, что принятие этого гомофобного закона приведет к массовому нарушению прав человека на территории города:

«...Принятие предложенного законопроекта противоречило бы запрещению дискриминации и принципу свободы выражения мнений и убеждений, закрепленных в Конституции РФ, а также признанным Российской Федерацией международным нормам, в частности, статьям 8, 10 и 14 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнения и запрещение дискриминации). В практике Европейского Суда по правам человека также содержится признание сексуальной ориентации одним из запрещенных оснований дискриминации, что в случае принятия законопроекта создаст правовые предпосылки для подачи жалоб против России.

На международном уровне соответствующие рекомендации государствам-членам принимались Генеральной Ассамблеей ООН, Парламентской Ассамблеей Совета Европы (в отношении дискриминации по признакам сексуальной ориентации или гендерной идентичности), Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы (рекомендация «О свободе собраний и выражения мнений для лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров»), Комитетом Министров Совета Европы, а также в заявлении Комиссара по правам человека Совета Европы.

Как отмечает Комитет Министров Совета Европы в своей рекомендации «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности» (от 31 марта 2010 г.), государства должны избегать дискриминационных формулировок в законодательстве. Предложенная в законопроекте формулировка ответственности за «публичную пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности» является дискриминационной по признаку сексуальной ориентации и, кроме того, не соответствует принципу правовой определенности и явно соз-

дает возможности для злоупотреблений и расширительного толкования, что недопустимо в отношении закона, устанавливающего ответственность.

АДЦ «Мемориал» напоминает, что попытка ввести аналогичный запрет в Уголовный кодекс РФ уже была отклонена как неконституционная. В официальном отзыве Правительству было указано, что «поскольку сам по себе гомосексуализм уголовно-наказуемым деянием не является, его пропаганда не может рассматриваться как общественно опасное посягательство на объект уголовно-правовой охраны». То же, очевидно, справедливо и для административной ответственности: поскольку сама по себе гомосексуальность не может являться основанием для административной ответственности, то и ее пропаганда не может рассматриваться в качестве административного правонарушения, иное нарушало бы логику законодательства, а также исключительные полномочия Федерации в сфере регулирования прав человека и гражданина...»¹⁶

Дополнения в Закон Санкт-Петербурга от 12 мая 2010 года N 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» — статьи 7.1 и 7.2 — своей целью ставили запретить «публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма и педофилии»:

«Статья 7.1. Публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних» устанавливает, что «публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних, влекут наложение административного штрафа на граждан в размере пяти тысяч рублей; на должностных лиц — пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей».

Поправки, принятые после первого обсуждения, ситуацию только ухудшили. Так, например, было внесено разъяснение, что пропагандой является «деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению общедоступным способом информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних, в том числе сформировать у них искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений».

При обсуждении проекта в ЗАКСе Санкт-Петербурга во втором чтении только одна фракция — «Яблоко» — отреагировала на инициативу резко отрицательно. При этом депутат Милонов заявил, что «Яблоко» защищает ЛГБТ потому, что последние поддерживают партию на митингах.

Несмотря на протесты международных организаций, правозащитников, юристов и экспертов, законопроект о запрете «пропаганды гомосексуализма» был принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга в окончательном третьем чтении. Изменения, внесенные депутатами в ходе обсуждения, ничуть не прояснили понятие «пропаганда», за которую, кроме того, был увеличен размер штрафа. Проведенные инициаторами закона «общественные слушания» в Законодательном Собрании больше напоминали травлю несогласных с законом, проходили в атмосфере сознательно нагнетаемой ненависти и социальной розни, что позволяет оценить реальный характер законопроекта, провоцирующего неравенство, ненависть и вражду в обществе. «Странный» характер закона был отмечен в том числе и в официальном докладе уполномоченного по правам человека В.П. Лукина.

---

¹⁶ <http://adcmemorial.org/www/4363.html>

Протесты ЛГБТ-активистов против принятия и применение закона

В знак протеста против проводимой властями дискриминационной политики ЛГБТ-активисты прибегли к акциям протеста. Согласовать их проведение зачастую было затруднительно, и большинство подобных публичных мероприятий происходило в форме одиночных пикетов, которые не требуют согласования с государственными органами. Но несмотря на это участники акций подвергались задержаниям и привлекались к административной ответственности.

Уже во время обсуждения Законодательным собранием Санкт-Петербурга 16 ноября 2011 года закона о «гей-пропаганде» в первом чтении ЛГБТ-активистами была проведена серия одиночных пикетов. Пикетировавшие, в частности, держали плакаты «Блюдо дня: Едро, фаршированное гомофобчиками», «Минздрав 1999 г.: гомосексуальность — это нормально, ЗакС 2011 г. — ?». Два человека были задержаны по обвинению в незаконном пикетировании. Один из них в январе 2012 года на заседании мирового суда был признан невиновным, однако вследствие того, что личные данные из пресс-службы полиции попали в прессу, под давлением руководства он был вынужден уволиться с работы в детском образовательном учреждении. Второй был признан виновным в марте 2012 года, в настоящее время ведется дело о возмещении морального ущерба за незаконное задержание.

Во время обсуждения закона во втором чтении, 8 февраля 2011 года, были задержаны уже пятеро участников пикетов, демонстрировавших плакаты «Законы, заставляющие молчать, ведут к насилию и убийствам», «Цель репрессий — репрессии. Дж. Оруэлл», «Прикрываясь детьми, Едро начинает травлю», «Гитлер начинал с законов против геев» и др. Задержанным вменялось незаконное пикетирование. В феврале 2012 года мировой суд признал их виновными в несанкционированном пикетировании группой лиц, в марте 2012 года районный суд подтвердил постановление мирового суда и отклонил апелляцию одной из задержанных. Правозащитные организации планировали подачу жалобы в ЕСПЧ.

6 апреля 2012 года была проведена серия одиночных пикетов против закона, при этом были задержаны двое пикетчиков с плакатами «Гетеросексуальность. Гомосексуальность. Бисексуальность. Это норма», «Геоид — форма земли, гей — форма сексуальности. Доказано наукой!». Они были обвинены в проведении несогласованного публичного мероприятия, пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, неповиновении законным требованиям сотрудников полиции. Материалы дела были отправлены судом на «доработку» в полицию, которая до сегодняшнего дня материалы в суд не вернула, дела в суде не рассматривались.

На следующий день ЛГБТ-активистами была проведена серия одиночных пикетов, приуроченных ко Дню замалчивания преступлений ненависти в отношении геев и лесбиянок. В результате двое участников с плакатами «Подруга нашей семьи — лесбиянка, мы с женой любим и уважаем ее, ее образ жизни нормален, как и наш, а ее семья социально равноценна нашей» и «Нет замалчиванию преступлений ненависти в отношении геев и лесбиянок». Им вменялось также нарушение Закона о «гей-пропаганде» и, как практически всегда в случае с задержаниями участников акций протеста, неповиновение законным требованиям сотрудников полиции. Правда, в мировой суд по обоим задержаниям пришел только протокол по ч. 1 ст. 9.3, по которой один из участников был признан виновным, а второй — невиновным. Протоколы о нарушении статей Закона о «гей-пропаганде» в суде не рассматривались.

12 апреля 2012 года перед зданием администрации Санкт-Петербурга был арестован ЛГБТ-активист с плакатом «Гомосексуализм — это не извращение. Извращение — это хоккей на траве и балет на льду» (фраза, приписываемая актрисе Фаине Раневской). Основанием для его задержания было «нарушение закона о гей-пропаганде». 5 мая 2012 года гей-активист был признан виновным в соответствии с постановлением мирового судьи судебного участка № 208 Санкт-Петербурга и оштрафован на сумму 5 000 рублей. Важным здесь является тот факт, что Н. Алексеев выразил свое намерение в обращении с жалобой в Европейский Суд по правам человека, который, по его мнению, присудит потерпевшему «компенсацию за нарушение Россией права на свободу выражения».

В практике АДЦ «Мемориал» был удачный пример защиты права ЛГБТ-активистов на одиночные пикеты: к юристам обратилась Г.С. — ЛГБТ-активистка, задержанная в Костроме по обвинению в нарушении правил проведения публичных мероприятий (это была серия одиночных пикетов против принятия гомофобного закона в Костроме). Суд был перенесен по месту жительства — в Санкт-Петербург.

Постановлением мирового судьи Приморского района Санкт-Петербурга Г.С. была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 ч. 2 КоАП РФ, ей было назначено наказание в виде административного штрафа 1 000 рублей. С помощью юристов АДЦ «Мемориал» привлечение к ответственности было обжаловано в районный суд, в связи с тем, что для доказательства наличия состава правонарушения необходимо было определить, в том числе, и объект посягательства, чего не было сделано в вынесенном постановлении. Кроме того, суд не учел международную практику защиты свободы мирных собраний: согласно п. 1 ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право на свободу мирных собраний, ограничение которого возможно только в случаях, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

В обстоятельствах дела было очевидно непропорциональное вмешательство властей в осуществление гражданами своего права на свободу собраний. Суд первой инстанции, как и во многих аналогичных делах, нарушил принцип объективного исследования доказательств и презумпцию невиновности и вынес решение, основанное исключительно на обвинительной позиции сотрудников полиции, без учета реальной общественной опасности действий, а также без анализа связанного с исследуемыми обстоятельствами права на свободу мирных собраний. Суд подошел к рассмотрению дела формально, не оценив реальную общественную опасность и не определив все элементы состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ, — что также было отмечено в жалобе.

Судья Приморского районного суда Санкт-Петербурга изучила аргументы жалобы, учла доводы заявительницы и ее представителя, в том числе довод о праве на проведение серии одиночных пикетов без уведомления, и приняла решение удовлетворить жалобу и отменить решение о привлечении к административной ответственности.

Помимо пикетов, ЛГБТ-активисты выступали отдельной колонной на Демократическом марше 1 мая 2012 года, в ходе марша было задержано несколько человек, включая Игоря Кочеткова, председателя российской ЛГБТ-сети. Единственным основанием их задержания была демонстрация радужного флага. Показательно, что после этих задержаний колонна остановилась и попыталась взять остальных ЛГБТ-активистов под свою защиту, и в результате они были задержаны уже в самом конце марша. Всего было задержано 17 человек, которым вменялось незаконное пикетирование и использование запрещенной символики — радужных лент, флагов, подтяжек; выкрикивание антипутинских лозунгов; разумеется, неповиновение законным требованиям сотрудников полиции; при этом статьи за нарушение закона о «гей-пропаганде» не вменялось.

В тот же день, сразу после задержания, АДЦ «Мемориал» выступил с заявлением в

защиту задержанных на демонстрации 1 мая активистов ЛГБТ-сети:

«Правозащитная организация АДЦ «Мемориал» занимается защитой жертв всех форм дискриминации, оказывает юридическую помощь гражданским активистам, которые подвергаются преследованиям, в том числе и в случаях незаконных задержаний в ходе реализации права на свободу мирных собраний. АДЦ «Мемориал» выражает обеспокоенность задержанием 1 мая 2012 года активистов ЛГБТ-сети, общественной организации «Выход» и других защитников прав меньшинств от дискриминации.

В Санкт-Петербурге 1 мая на согласованную демонстрацию вышли различные представители политических сил и гражданских инициатив. Среди них были и радикалы самого разного толка. Почти все они смогли спокойно пройти весь Невский проспект, неся свои флаги, транспаранты и выкрикивая лозунги. Лишь к некоторым мирным демонстрантам из демократической колонны были предъявлены претензии со стороны представителей правоохранительных органов, в результате не менее 17 человек были задержаны и доставлены в 76-й и 78-й отделы полиции. Задержанные никак не нарушили порядок проведения публичного мероприятия и общественный порядок, их участие в согласованной акции ничем не отличалось от активности прочих демонстрантов, они спокойно шли и несли флаги с символикой ЛГБТ и плакаты с лозунгами против дискриминации. Очевидно, что единственной причиной преследований этих участников согласованного мероприятия, их задержания, доставления в отделы полиции стала их принципиальная позиция по отстаиванию прав меньшинств.

АДЦ «Мемориал» считает недопустимым подобный дискриминационный подход к праву на демонстрацию собственного мнения, праву на свободу слова и самоопределения. Мы требуем немедленного освобождения всех задержанных, признания их права на участие в мирных гражданских акциях, прекращения каких-либо дискриминационных государственных действий в отношении представителей меньшинств и их защитников»¹⁷.

4 мая 2012 года задержанные активисты обратились к уполномоченному по правам человека в Санкт-Петербурге Александру Шишлову с просьбой дать правовую оценку действиям сотрудников полиции и чиновников Администрации города. Позже, 10 мая 2012, года задержанные участники первомайского демократического марша обратились в прокуратуру Санкт-Петербурга с просьбой проверки правомерности действий сотрудников полиции.

В июле 2012 года состоялись суды над семью задержанными, все они были признаны невиновными. Остальные задержанные на этом марше даже не были вызваны в суд.

7 июля 2012 г. прошла серия уличных акций в рамках третьего «Санкт-Петербургского ЛГБТ-прайда». Городской администрацией митинг в Полюстровском парке сначала был согласован, затем согласование «было отозвано». Основанием для такой не предусмотренной Законом «О митингах, шествиях, демонстрациях и пикетировании» процедуры, как «отзыв согласования» явилось то, что, по мнению Комитета по законности и правопорядку, формат заявки не соответствует действительности. В заявке значились такие мероприятия, как «шествие» и «митинг», а в «действительности» заявители хотели провести гей-парад, который, по мнению Комитета, является формой, отсутствующей в Законе. При этом обоснованием для отказа являлась «информация из СМИ». Комитет, разумеется, напомнил об ответственности по новому городскому Закону о «гей-пропаганде» и указал, что в случае проведения мероприятия «организаторы и участники могут быть привлечены к ответственности в установленном законом порядке».

Несмотря на этот запрет, организаторы вышли к журналистам в Полюстровском парке и были задержаны. Им вменялось проведение несогласованного мероприятия

---

¹⁷ <http://adcmemorial.org/www/4962.html>

и неповиновение законному требованию сотрудника полиции. Рассмотрение дел активистов было перенесено по месту их жительства. В этот же день у Смольного, где располагается администрация Санкт-Петербурга, прошла серия одиночных пикетов — продолжение третьего «Санкт-Петербургского ЛГБТ-прайда». Трое участников были задержаны по стандартной формулировке (статьи 20.2 и 19.3 КоАП РФ). Кроме них, полиция без объяснения причин задержала девушку, которая пришла поддержать активистов и вообще не участвовала в пикетировании, ей вменялись те же статьи. Стоит обратить внимание на то, что полиция задерживала только пикетчиков с радужной символикой. После двух суток в отделе полиции и после судебного заседания днем 9 июля 2012 года все задержанные были освобождены. Рассмотрение дел каждого задержанного было перенесено по месту жительства активистов.

Нападения на ЛГБТ-активистов

17 мая 2012 года, в Международный день борьбы с гомофобией и трансфобией, петербургские ЛГБТ-активисты в очередной раз подверглись нападению со стороны неонацистов. После согласованного митинга, прошедшего в Петровском парке, неизвестный в маске бросился на одного из участников флэшмоба и выстрелил из бесствольного газового пистолета «Удар» ему в лицо.

Позже, на мосту Красного Курсанта несколько десятков молодых людей, преградив транспорту дорогу, начали выбивать камнями стекла и зажигать дымовые шашки. Нападавшие, ворвавшись в автобусы, стали избивать тех, кто там находился. В итоге серьезно пострадали два человека. Однако, вопреки мнению многих СМИ, в автобусах находились не участники митинга, а исключительно трудовые мигранты. Нападавших это не остановило, и несколько рабочих пострадали.

12 июня 2012 года около 17:15 в Санкт-Петербурге на углу набережной канала Грибоедова и Инженерной улицы около десятка молодых людей напали на группу участников «Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ» и ЛГБТ-активистов, возвращавшихся с согласованного митинга оппозиции. Большинство нападавших были в масках, часть из них ранее были замечены на митинге, в его «националистической» колонне. Нападавшие распылили перцовый газ из баллончиков и применили физическое насилие. Человек, вырвавший из рук у одного из активистов баннер «Альянса», ударил его по лицу. Всего при нападении пострадали пять человек, получивших травмы различной степени тяжести. Через несколько минут на углу канала Грибоедова и Невского проспекта те же люди напали еще на двух активистов, оставших группы. Члены «Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ» с самого начала были уверены, что нападавшие были ультраправыми.

Впоследствии был арестован Дмитрий Дейнеко, организатор так называемых «Русских пробежек» в Санкт-Петербурге, в котором потерпевшие опознали одного из нападавших. Тем не менее, в Санкт-Петербурге поднялась волна поддержки Дейнеко со стороны националистов, что заставило «Альянс гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ» выступить с заявлением о недопустимости считать нападавшего гомофоба жертвой политических репрессий:

«В преддверии грядущей политической осени и новой волны митинговой активности мы обращаемся ко всем, кто придерживается принципов равенства всех граждан перед законом, соблюдения прав и свобод человека, уважения к различиям, толерантности и ненасилия.

Как вам известно, после митинга 12 июня с. г. группа участников «Альянса гетеросексуалов за равноправие ЛГБТ» и ЛГБТ-активистов подверглась нападению со стороны людей, которые также присутствовали на этом митинге — под флагами националистов. Месяц назад арестован один из подозреваемых в нападении — Дмитрий Дейнеко, член националистической организации «Русская пробежка». 16 августа суд продлил срок его содержания под стражей еще на месяц. Сейчас его единомышленники и защитники распространяют об этом деле откровенно живую информацию, пытаясь повернуть в свою пользу общественное мнение. Подозреваемого в нападении пытаются представить «узником совести» («Национальные демократы») и «невиновным примерным гражданином» («Русская пробежка»). О Курносова включает его в число «политических заключенных» (надо полагать, что на организованном ею 9 сентября «Концерте в поддержку группы Pussy Riot и других политзаключенных» поддержат и этого «политэка»?). Некоторые деятели занимаются откровенной подтасовкой фактов, утверждая, что Дейнеко «пресек пропаганду гомосексуализма» во время «несанкционированной акции». Эту версию озвучил недавно в новостях на телеканале «100 ТВ» А. Артюх, руководитель клерикально-националистической организации «Народный собор» и главный партнер депутата ЗС Петербурге В. Милонова по борьбе с гаями. Утверждение в репортаже «100 ТВ», что нападение якобы произошло во время «несанкционированной акции» и что именно такова «версия дознавателей», не соответствует действительности. Ранее тот же Артюх, цитируя слова адвоката Д. Дейнеко, писал, что якобы один из пострадавших ударил того палкой по спине. Сам подозреваемый, по словам его защитников, никого не бил, а лишь вырвал у активиста баннер и выбросил его в канал Грибоедова. Защитники подозреваемого доходят до полного абсурда, заявляя, что он пострадал за «разгон гей-парада». Так писали в призывах прийти на акцию в его поддержку, которая прошла сегодня, в воскресенье 26 августа. Из фоторепортажа об этой акции выясняется, что Дейнеко... «защищал детей от растлителей». «Растлителями» организаторы и участники сегодняшних пикетов называют тех, кого избил он и его подельники! «Они не потерпевшие, они — растлители», гласят надписи на плакатах.

Все эти утверждения — беспардонная ложь. В действительности было совершено нападение на участников согласованного митинга объединенной оппозиции в День России 12 июня, когда они шли после митинга к метро. [...] Есть свидетели нападения, достаточное количество фотографий и видеозаписей, многие из которых доступны в Интернете и приобщены к уголовному делу. По этим материалам хорошо видно, что никакой несанкционированной акции ЛГБТ не было: было трусливое групповое нападение на людей сзади.

Отметим также, что ни радужные флаги, ни аббревиатура «ЛГБТ» не запрещены ни одним законом Санкт-Петербурга и РФ. Ни один суд не признал их «пропагандой гомосексуализма». Так, например, использование ЛГБТ-символики на прошедшем в день нападения (12 июня) митинге было согласовано с его организаторами и не вызвало никаких претензий у полиции. Не было нареканий и у большинства участников митинга. Все задержанные «за радугу» ранее, на Демократическом марше 1 мая с. г., признаны впоследствии невиновными, и даже в протоколах их задержания пресловутая статья 7.1 («пропаганда мужеложства») закона Петербурге «Об административных правонарушениях» отсутствовала.

Сейчас Д. Дейнеко пытаются изобразить героем, «защитившим детей от содомитов». Очевидное насилие, подпадающее под уголовную статью (дело заведено по ст. 213, часть 1, п. «а» УК РФ — хулиганство) оправдывают тем, что нападавшие

якобы «пресекли правонарушения»: абсурдную «пропаганду гомосексуализма» и вымышленный «несанкционированный гей-парад». Эта ложь является грубой попыткой оказать давление на следствие и повернуть в свою пользу общественное мнение. Но даже эта лживая версия событий подразумевает, что нападавшие присвоили себе полномочия полиции и суда, а их политические защитники отстаивают это «право» на самосуд. Но никакие мотивы не могут являться основанием и оправданием для совершения уголовного преступления!

Мы осуществляем общественный контроль и мониторинг расследования уголовного дела о нападении 12 июня и надеемся, что оно будет доведено до конца и все виновные будут привлечены к ответственности. Мы не возлагаем вину за случившееся на организаторов митинга, после которого произошло нападение, однако призываем вас принять меры к тому, чтобы избежать подобных инцидентов в дальнейшем. Лидеры партий и движений должны понимать, что они несут ответственность за своих сторонников и политических партнеров перед другими гражданами, участвующими в публичных мероприятиях. Митинги — это место для выражения политической позиции, а не для баталий или драк после них.

Мы считаем опасной тенденцией то, что демократические организации не гнушаются проводить совместные мероприятия с ультраправыми силами, для которых угрозы и насилие — нормальная практика, которые поддерживают или оправдывают подобное, тем самым превращая политический процесс в уголовные «разборки».

Во-первых, на уровне ценностей, целей и идей между демократами и ультраправыми, на наш взгляд, нет ничего общего. Участники нашего «Альянса», как и вы, придерживаются демократических взглядов. И мы считаем, что оппозиционность по отношению к действующей власти не может быть единственным основанием для объединения общественных и политических организаций, которые во всем остальном занимают диаметрально противоположные позиции. Мы считаем недопустимым, вредным и бессмысленным сотрудничество и совместные действия с теми, кто не разделяет принципов демократии, прав человека и равноправия граждан, кто, напротив, поддерживает деление людей на сорта, дискриминацию и разжигание ненависти, одобряет или практикует насилие. Приглашение к участию в общедемократических митингах организаций радикально-националистического толка фактически легитимизирует их в глазах общества и, таким образом, делает организаторов этих митингов невольными соучастниками возбуждения национальной, расовой, религиозной и социальной ненависти, пропаганды превосходства одной группы людей над другой, которые практикуются их «союзниками».

Во-вторых, участие в демократических протестных акциях агрессивных ультраправых группировок, как показал инцидент 12 июня, несет в себе и вполне реальную угрозу, ведет к невозможности обеспечить безопасность всех участников мирного протеста. Не исключено, что на следующих мероприятиях могут пострадать и представители других организаций, если их плакаты, поведение или отстаиваемые ценности не понравятся фашиствующим молодчикам. Кроме того, 12 июня при распылении газа и в потасовке могли пострадать сторонние люди, никак не причастные к митингу. Так уже случилось 17 мая с. г., когда вместо участников ЛГБТ-митинга «Радужный флэжмоб» в Петровском парке нападению подверглись проезжавшие мимо рабочие-мигранты.

В-третьих, в свете нового закона о митингах такого рода инциденты, если они случаются на самом мероприятии, могут создать проблемы и для организаторов: они могут быть привлечены к ответственности за нарушение общественного порядка участниками, может быть затруднено дальнейшее согласование уличных акций. Само появление людей в масках на митингах, согласно действующему законодательству, — уже является нарушением.

Наконец, участие в протестных акциях радикальных националистов дискредити-

рует демократическую оппозицию в глазах существенной части общественности, прежде всего интеллигенции, отпугивает многих возможных участников митингов, а также бросает тень на российское протестное движение в глазах мирового сообщества. Нас как потомков жителей города, перенесшего ужасы блокады, не может не возмущать то, что нацизм сегодня снова поднимает голову, и ему не гнушаются подавать руку те, кому должны быть отвратительны подобные идеи.

Мы обращаемся к вам с призывом быть разборчивыми в выборе союзников и отказаться от совместных акций с нацистами и фашистами. Этим вы не только обеспечите безопасность своих сторонников и остальных граждан, но и подтвердите свою последовательность в отстаивании демократических ценностей».

Таким образом, введение законов о «гей-пропаганде», с одной стороны, стало дополнительным фактором ограничения гражданской активности, а также основанием для отказа в любых публичных демонстрациях, связанных с правами ЛГБТ-сообщества. При этом под фактический запрет попали не только высказывания Фаины Раневской, но и флаги, и в целом любые публичные упоминания и ссылки на ЛГБТ-проблематику. Это, в свою очередь, легитимизировало нападения на гомосексуалов, как на «пропагандирующих», что вызывает необходимость бороться за возбуждение в таких случаях дел по статьям, связанным с мотивом ненависти.

Ужесточение гонений на активистов ЛГБТ-сообществ было вызвано, несомненно, усилившейся в последнее десятилетие борьбой за права этих меньшинств в Петербурге и во всей РФ. Однако в последние годы и месяцы усилились не только анти-ЛГБТ тенденции в обществе и власти, на фоне выраженной гомофобии еще ярче зазвучали призывы к признанию прав сексуальных меньшинств, сами активисты проявили способность к сознательной консолидации и борьбе за свободу выбора, а многочисленные деятели культуры, правозащитники и даже некоторые политики впервые выступили в защиту этих ранее отрицавшихся, или, по крайней мере, не замечавшихся прав. История борьбы с гомофобным законом - это не только история поражения активистов и правозащитников Петербурга, но и опыт настоящего сопротивления дискриминации, который еще обязательно даст результаты.

Заключение

Опыт двухлетнего сотрудничества петербургских правозащитников, гражданских активистов, общественных защитников, специалистов и адвокатов показал, что сочетание общественной кампании (в том числе работы со СМИ, распространении информации в социальных сетях), грамотных юридических действий и использования аналитического потенциала независимых экспертов оказывается наиболее эффективным в противодействии политическим преследованиям и отстаивании права на мирный протест.

Важнейшим уроком этих двух лет стало понимание того, что четкое знание юридических норм и возможностей, адекватное правозащитное реагирование на нарушения прав и свобод, взаимная поддержка людей из разных сообществ, объединенных общим чувством справедливости и желанием отстаивать свое мнение, не могут не дать положительных результатов.

Трудности неизбежны, но преодолимы.

Оглавление

Вступление.....	1
Защита от уголовного преследования.....	2
<i>Война с «Войной»: мотив ненависти .....</i>	<i>2</i>
<i>Когда полиция чувствует себя оскорбленной (ст. 319 УК РФ).....</i>	<i>14</i>
Защита от административного преследования.....	15
<i>Месяц ареста за участие в мирном протесте.....</i>	<i>15</i>
<i>«Протоколы под копирку»: массовые административные преследования участников протестного движения.....</i>	<i>19</i>
<i>«Иное средство агитации».....</i>	<i>22</i>
<i>Новые формы репрессий: преследования за неполитические «массовые мероприятия».....</i>	<i>23</i>
<i>Дела задержанных в мировых судах .....</i>	<i>23</i>
<i>Задержания в декабре 2011 года — примеры судебной практики.....</i>	<i>26</i>
<i>Март 2012 года: продолжение протестов и ужесточение административных преследований.....</i>	<i>28</i>
Запрет «пропаганды»: исключение из общественного обсуждения неугодных тем.....	29
<i>Архангельский закон о запрете «пропаганды гомосексуализма».....</i>	<i>29</i>
<i>Закон о запрете «пропаганды гомосексуализма» в Санкт-Петербурге.....</i>	<i>31</i>
<i>Протесты ЛГБТ-активистов против принятия и применение закона.....</i>	<i>33</i>
<i>Нападения на ЛГБТ-активистов.....</i>	<i>36</i>
Заключение.....	39